

18+

ЦВИ НАЙСБЕРГ

ПРО ТО, КАК ВРАГ НАРОДОВ ВОЙНУ ВЫИГРЫВАЛ

Цви Найсберг

**Про то, как враг народов
войну выигрывал**

«Издательские решения»

Найсберг Ц.

Про то, как враг народов войну выигрывал / Ц. Найсберг —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «А мы войну вопреки всему выиграли...» Именно
так звучала одна из любимых фраз «отца народов», чье отцовство между тем
стоило этим самым народам слишком же дорого.

Про то, как враг народов войну выигрывал

Цви Найсберг

© Цви Найсберг, 2026

ISBN 978-5-0070-6240-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про то, как враг народов войну выигрывал

«А мы войну вопреки всему выиграли...»

Именно так звучала одна из любимых фраз «отца народов», чье отцовство между тем стоило этим самым народам слишком же дорого.

«Бессмысленное дело — хоть как-то пытаться пробить брешь меж дураком и всей его глупостью...»

Джек Лондон, «Зов предков»

Товарищи сталинисты, эта книга написана вовсе не по вашу честь.

И самое скверное во всей той официально признанной кривде состоит в том, что нет ни малейшего шанса переделать ее в светлую и святую правду о временах Второй мировой войны.

Автор.

1

Всем нам до зубовного скрежета давно знаком этот бесцеремонно слащавый, будто бы здоровый и вдоль и поперек обкатанный подход к одному из самых вопиющих и никакими обыденными словами не передаваемых событий прошлого.

И главное — именно этот подход навеки искромсал и искалечил невероятное множество человеческих судеб.

Вторая мировая война явила собой, пожалуй, наиболее беспристрастное проявление той жесточайшей, буднично обнажающей белые человеческие кости цивилизованной дикости, какую только знал мир.

Хуже ее могло бы оказаться разве что одно — все еще едва тлеющее где-то впереди Третье всемирное кладбище.

Да, от такой злой судьбы Господь нас пока еще миловал.

Но никто до сих пор не избавил нас от патетически-помпезного освящения, без всякого сомнения, героического прошлого.

И даже современным властям ничего подобного не нужно.

Потому что, если эта исконно лживая и официозная линия освещения всенародно кровопролитной войны когда-нибудь и впрямь начнет выглядеть хоть сколько-нибудь иначе, это сразу разорвет старые, четко выверенные представления о роли единственно правого государства в судьбе народа.

И тогда уже станет куда труднее столь беспечно бросаться неисчислимыми человеческими жизнями.

А именно это при удобном случае беспринципно нечистоплотной власти может понадобиться снова — хоть в ближайшем, хоть в отдаленном будущем.

Вот почему власть с таким помпезным усердием превращала реальную войну и живых героев в безликих защитников родины, переполненных казенной гордостью за отчизну.

А между тем у этой чисто же пресловутой советской родины для сколь еще многих из числа ее верных защитников вовсе так не было никакого истинно настоящего материнского лица.

2

И это как раз-таки чисто, поэтому всякое сколь бесстыдно же глянцевого и восторженно-героического переосмысление чудовищной беды и приобрело тот самый весьма так безупречно наглядный, почти панорамный вид.

Ну а за тем вовсе уж никак нескромным фасадом этакой лакированной картинки сколь непременно скрывалась та самая уж до чего только на самой-то себе сосредоточенная сплошная казенная ложь.

И именно в таком искусственном свете в «бесконечно дорогом и всеми нами любимом СССР» и было принято столь обстоятельно освещать — будто бы путем строго научного подхода — все те лихолетья той ныне исключительно далекой войны, которые и поныне с большим же трудом хоть как-то вмещаются во всякое вполне обыденное человеческое сознание.

Истинно великие страдания самых конкретных людей при всем том уж совсем безоглядно ведь были стушеваны и оставались полностью за кадром.

А на первое место спесиво выдвигался великий энтузиазм героических народных масс, якобы сплошной стеной и в полном единении поднявшихся на суровую защиту всего своего социалистического отечества.

Да еще и браво ведомых той самой наилучшей во всем мире коммунистической партией.

И уж лучше так всего обо всем этом высказался Александр Галич в своей «Балладе о твердой валюте»:

«Над немymi могилами — воплем! — надгробья...

Но порою надгробья — не суть, а подобья,

Но порой вы не боль, а тщеславье храните

Золоченые буквы на черном граните!..»

И главное — вот подать все это именно под таким, томатно-глянцевым соусом вместо живой крови и было задумано ради того одного: усладить начальственный взор.

Взор тех безнадежно тупых, равнодушных бездельников и дармоедов, что неизменно почивали на лаврах чужой — не ими, а народом — честно завоеванной славы.

3

И именно нечто подобное им и захотелось до чего поскорее же сделать, а именно воздать должное bravому солдату — но вовсе не по его подлинному званию вечно живого, хоть и безвременно погибшего защитника родины.

Все мыслимые и немыслимые почести полагалось отныне воздавать не ему, а той аморфной и никому не известной его фигуре.

А человеческие останки, которые сразу после войны еще более чем возможно было с той или иной долей достоверности вполне опознать, со временем становились все более и более совершенно так обезличенными.

Самописки и без того зачастую оставались пустыми то есть совсем уж никак не заполненными, ну а все те прошедшие с той войны годы и вовсе сделали многие из них совсем непригодными для какого-либо вообще прочтения.

Но даже и неопознанными людей все равно следовало более чем достойно, со всеми же почестями, предать земле.

Ведь еще издревле считалось: война не окончена, пока не похоронен последний из погибших на полях ее сражений солдат.

Да только те безлико-идейные коммунистические заправилы и в мыслях своих никак не порывали с прошлым — в своей до чего непримиримой войне, может быть чисто так формально и со своим, но уж в момент великой опасности как никогда совсем чужим и безымянным для них народом.

И не потому ли белые косточки тех и по сей день безвестных защитников родины так и остались лежать на полях и весях всей той необъятной страны?

И их именно так преступно никак не предали хоть сколько-то достойному погребению.

Да и вообще все те чисто официальные почести героям войны в СССР были самой так чистейшей воды дутой фикцией и безнравственной профанацией.

Реальные люди были сколь еще наскоро вычеркнуты из списка погибших, потому что павшие кому-то явно же представлялись одной лишь совершенно так нерушимой живой стеной, доблестно вставшей на пути подлого врага.

Отчаянная храбрость этой людской стены в чьих-то глазах была столь же внеличностной, как броня броненосца «Потемкин».

И если большевики и воздавали почести погибшим на фронтах Второй мировой войны, то лишь разве что в виде бестелесных мемориалов немеркнувшей славы.

В этих монолитах общей судьбы и общей славы отдельная личность уж нигде вовсе так никак не проглядывает.

4

А впрочем, автору вовсе никак не хотелось до чего еще огульно чернить, кого бы то ни было.

Однако ту исключительно подлинную историческую справедливость вполне бы необходимо сколь безусловно же на деле действительно так как-то еще на деле вот восстановить.

Куда только естественнее — и честнее, пусть даже и скрепя сердце будет признать бездельниками, трусами и подлецами ту самую до чего еще мизерную кучку безжалостных большевистских олигархов.

Тогда как тем совсем обескровленным и бессловесным народным массам следовало бы, наконец, уж воздать по их вовсе никак не малым заслугам.

Но ярые сталинисты думают обо всем этом совершенно иначе.

По их мнению, «лев во главе стада тупых баранов, куда так только получше, чем целый прайд львов с бараном во главе».

Именно эта поговорка и остается одной из любимых у многих убежденных поклонников вождя, по самое горло сытого человеческой кровью.

И ведь главное эти подчас степенные и уравновешенные люди, сами того не замечая, вслух произносят самую настоящую горькую правду.

Только в их устах она оказывается до чего еще безотрадно и помпезно разом так попросту вывернутой же наизнанку.

Потому как — это именно тот баран, что был кем-то весьма ведь строго вознесен, словно грядущее знамя победы во главе львов и будет способен чисто по-комиссарски, без малейших

же колебаний, превратить тех львов в самое так откровенное пушечное мясо и самую наилучшую смазку для вражеских штыков.

5

И главное все вот то безлико-серое умом окружение было подобрано именно так Сталину во всем под стать.

Этакая пестрая когорта со всею должной готовностью выстроилась в единый ряд со своим бессменным вождем и представляла собою одно лишь скопище нравственно сгнивших подонков.

Все эти суровые тени пролетарского диктатора до чего давно были ему безо всякого остатка проданы и всею своей шкурой чисто по-лакейски ему вполне преданы.

А именно потому они и не задавали никаких тогда совершенно излишних вопросов.

Да и как было их задавать, если в то так и пропахшее дикой уголовщиной время подобная попытка слишком уж часто оказывалась равносильна смерти?

Некогда вовсе так всемогущая сталинская власть почти целиком состояла из осатанело невежественных, воинственно бесчестных буквоедов и людоедов.

Это была свора олухов, не желавших слышать ничего, пока любимый диктатор не выскажет своего единственно верного мнения.

И ведь все эти грозные, словно Зевс по телефону, людишки были, куда только явно страшнее любого сказочного чудовища, испускающего дым и пламя.

Именно они до чего еще беспощадно воплощали в суровые будни войны принцип победы любой ценой.

При этом мыслью они разом уж заносились в самую так немыслимую даль, спешно вот возводя свои величественные воздушные замки.

Да, подчас эти люди, быть может, и вправду весьма ведь искренне верили, будто ведут народ к счастью и процветанию.

Но таким нелепым чаяниям никак не дано было хоть сколько-то долго гнездиться на вершине власти внутри мелких душ самых же отборных скотов.

Они быстро сменили тон и ход мысли на свое собственное политическое выживание, и это напрочь отменило все те розовые слюни по поводу всеобщего счастья широко раздвинувших плечи народных масс.

Да уж, однако, данное сборище, весьма подобоострастно верное своему вождю, вполне ведь умело при этом оставаться сколь еще прагматичным и трезвым во всех своих по-настоящему весомых суждениях.

А по их до чего весьма так здравому рассуждению народ требовалось более чем неизменно держать в самой так строгой узде.

Причем именно в те времена власть как никогда возвышалась над всем своим на редкость бесправным народом.

Ну, так еще: советская власть бесконечно же превозносила именно то добро, которое она разве что только сулила людям, но никогда не давала им его в руки.

Зато вот до чего еще счастливо умирать за обещанное она вполне в полный голос требовала фактически ежедневно, повелительно и заносчиво.

И ведь делать это народу следовало вовсе так совсем уж вовсе так безропотно и гордо.

С самого еще начала войны сталинские коршуны явно ведь создавали именно те никак так вовсе неподъемные планы безупречно пламенного разгрома всех тех нагло вторгшихся в глубь страны группировок противника.

Однако их невежественные и слепо-бравые броски вперед, наобум и вслепую, и стоили стране тех самых нескончаемых рек солдатского пота и крови.

В насквозь идеологизированной советской мифологии все это затем именовалось разве что лишь самыми «неудачными контрударами наиболее начального периода войны».

Причем той наиболее главной причиной разгрома, а подчас и физического уничтожения, как и позорного плена, почти всей кадровой армии, господя большевики до чего уж угрюмо объявили именно ту исключительно мнимую неготовность страны к отражению самой так вовсе ведь совсем так внезапной агрессии.

Мол, защищать ее должны были какие-то другие, куда поболее стойкие защитники, потому что у тех, что оказались под рукой, дисциплина будто бы явно хромала на обе ноги.

Но все это между тем были никак не безликие массы.

У всех тех солдат и ополченцев были имена, фамилии, семьи.

И главное они всею душой хотели сражаться за горячо любимую родину.

Да только оказались они почти безоружны перед страшным и хорошо организованным врагом.

Подлинная причина катастрофы начала войны заключалась в чем-то вовсе в другом: незадолго до ее начала Красная армия пережила самый так колоссальный внутренний разгром.

И речь тут шла о самом безжалостном хирургическом удалении весьма значительной части ее старшего командного состава.

Причем случилось это совсем так вовсе незадолго до войны — в том до чего зловещем 1937 году, когда на всю ту страну разом обрушилась гигантская лавина бесчеловечного террора.

Да и прежде, впрочем, лучше тоже несколько так вовсе сильно вот не было.

А уж во время войны безликие массы народа использовались большевиками именно как самое простое средство для достижения единственно важной общей цели: взять мост, удержать рубеж, броситься под надвигающийся танк. Миллионы живых людей для предводителей сталинской орды всегда были не более чем самыми грубыми орудиями.

Их наиболее главной задачей было совсем так бессознательно приближать именно так чью-то чужую, сладострастно желаемую, блаженно-наилучшую жизнь.

И вполне так, само собой разумеется, что уж знать об этом им никак и близко ведь явно не полагалось.

Народ тогда было до чего нетрудно во всем разом уж объегорить, и власть имущие более чем неизменно были готовы более чем сходу воспользоваться всей его наивной бесхитростностью и безыскусным невежеством ради своей собственной выгоды.

Да вот, однако, прямо-таки в лоб погнать этот народ захватывать далекие и чужие земли, во имя сколь должного улучшения чьей-либо личной жизни было никак уж явно совсем так нельзя.

Зато никак не составляло бы большого труда погнать людские массы завоевывать иностранные государства, если веско и надменно объявить все это самым доблестным походом во имя сколь еще должного улучшения условий чьего-то доселе как есть весьма угнетенного существования.

Ну а впрочем и того самого как есть самого так окончательного преображения всего этого мира к чему-либо более чем удивительно самому до чего еще только явно же наилучшему.

«У нас лучше, чем у них» — это и есть один из самых откровенно лживых большевистских лозунгов.

И все же серые массы российского люда вполне могли в такое поверить, а затем и проникнуться чувством самой так суровой необходимости подобного вот «рыцарского похода».

И ведь делалось это, как есть, разумеется, будто бы ради того, чтобы раз и навсегда положить конец всякому чудовищному засилью всемирного буржуинства.

Народ тогда еще был на деле сильнее жил той еще старой верой.

А именно потому от него и следовало прятаться за занавеской всяческой нечестивой лжи.

Правда, уж яснее ясного, ничего того действительно рыцарского из всего этого вовсе-то никак и близко не выходило.

Однако именно этакая маскировка и была для большевиков задачей самой первостепенной важности.

Без подобного рода идеологического ухищрения им было вовсе-то никак явно не обойтись.

Сладкие грезы светлого грядущего заставляли народ, жующий одну гнилую ботву, во что-то яркое и блистательное вполне искренне верить.

Да только сама та власть более чем неизменно сражалась разве что за честь и славу собственного генеральского мундира.

На народ ей было попросту совсем же явно наплевать.

И именно от этих черных дел душа народа через два-три поколения и стала тяжело больна и почти бесчувственна.

Но дух его, слава Богу, пусть медленно и не сразу, а все же постепенно восстанавливается.

6

Это чувствуется хотя бы и по тому, как понемногу начинает оживать сама вот простая русская речь.

Но именно для весьма вот более продуманного восстановления всего того, что было доселе утрачено в бесславную эру бесноватого большевизма, сегодня как есть необходимо, куда только яснее осознать, насколько тяжела была железная пята той навеки проклятой власти.

А ведь она долгие годы до чего неотступно давила на сознание всех трудящихся граждан.

И потому особенно важно смахнуть с лица этой власти все те до самого неприличия лживые слезы, которые она и по сей день проливает по поводу будто бы своей разнесчастной и гиблой судьбы.

Потому что тем самым честолюбивым большевикам во времена Великой Отечественной вовсе так не «пришлось» управлять каким-то вовсе несобраным, разболтанным и недисциплинированным народом.

Причем это именно в таком самом беззастенчивом духе кое-кому уже после войны и довелось во весь свой голос бубнить разве что одно и то же, настойчиво внушая всем, будто бы главной причиной страшных поражений войны были те самые простые люди.

И ведь дело-то ясное — подобного рода речи лишь беспрестанно же лили воду на мельницу кичливого западного самомнения.

И эти снобы высшей пробы и поныне сколь беззаветно преданы делу весьма так прочувственного восхваления своей собственной, будто бы едва ли не решающей роли во всем разгроме германского фашизма.

И никак не случайно западные школьные учителя с такой заносчивостью раз за разом внушают своим ученикам, будто русские — а вместе с ними и прочие народы СССР — во время войны только и делали, что играли на гармошке в обнимку с медведем.

А значит, и все лавры, и почести победителей коричневой чумы XX века — исключительно так их сугубо личная прерогатива.

И вовсе нетрудно понять, чьих именно слов — это до чего еще многоголосое и сладкоречивое эхо.

Потому как именно так все это на самом деле и подается великодержавными солдафонами на плоском блюдечке для всего того остального праздно скучающего мира.

И тут уж все ведь предельно ясно: эти великодержавные держиморды мелкую дрожью дрожат разве что лишь за честь и славу своего собственного генеральского мундира.

7

И главное именно эта официальная, строго большевистская псевдоисторическая «правда» и выворачивает все на деле бывшее буквально наизнанку.

С самой уж безукоризненной уверенностью всего своего будто бы до чего еще весьма «строго научного подхода» она явно внушала всем и каждому только ведь то одно: Иван-дурак во времена Великой Отечественной был никак недобросовестен, недисциплинирован, невежествен и попросту откровенно туп.

Ну а на Западе в подобное, разумеется, со всею большой охотой весьма так радостно верят.

А почему бы и нет?

И это при том, что те же англичане, грубо говоря, дали деру из-под Антверпена, побросав в спешке все свое весьма вот немалое военное имущество.

А российский народ явно сумел в великой спешке эвакуировать заводы и развернуть их за Уралом почти вот совсем на голом месте.

И кому еще такое дело и впрямь могло оказаться действительно по плечу?

Западным, изнеженным цивилизацией европейцам подобные подвиги и во сне никак никогда не снились.

Да они были способны на личное геройство, но массы их оставались пассивны и спасались каждый, как только вообще он это умел и мог.

У народов же многострадальной России было принято, прежде всего, спасти свою отчизну, а уже затем — самих себя.

Причем если кто-то и теперь думает, будто железной рукой правившие большевики и сотворили ту достославную победу, то уж на это следует ответить без всяких обиняков: все это нелепая и бредовая чушь.

Именно своей до чего еще упертой, житейски убогой наступательной тактикой товарищи комиссары едва вот не привели страну к самому так чудовищному же поражению.

Тупая и нищая духом безграмотность, как и суровое невежество, вовсе так не имели ни малейшего шанса на деле победить военную науку, выработанную веками.

Причем российская военная наука вовсе так ни в чем не уступала европейской.

Но во времена чертовой революции одних офицеров солдаты повырезали сразу, других убила Гражданская война, а третьи, уцелев, унесли ноги с такой родины, спасая себя и своих близких.

Ну а затем еще коса 1937 года совсем безжалостно выкосила в самом ядре Красной армии все инициативные, сметливые, по-настоящему мыслящие кадры.

Отныне в войсках приветствовалось, прежде всего, холуйское «здравомыслие» — то есть готовность немедленно удовлетворять абсолютно любые прихоти старших военачальников.

И вот в тяжелейших условиях внезапно начавшейся войны именно это и оказалось одной из самых главных причин лишних потерь и тяжких поражений.

И потому еще и еще надо бы вполне повторить: тупая и надменная суровость без знания и образования весьма так неизменно сеет разруху и панику, в том числе и в рядах командного состава.

Ну а все положительные стороны безмерной стойкости и мужества проявлялись людьми, как правило, совсем уж именно вопреки всему тому героически-истерическому, по-людоедски бесшабашному общему настрою.

Везде, где всевластно царила воинственная сила бездушной партократии, явно так попросту совсем не оставалось никакого места всякому здравому смыслу.

Серая рать сталинских дуболомов часто пребывала в бешенстве из-за буквально всякого промедления с их единственно верными планами самых так безотлагательных действий.

Как правило, речь тут шла о дьявольски безумных призывах — всей массой немедленно идти вперед и вперед, захлебываясь в слепой атаке и, не дай Бог, ни о чем на ходу явно так никак не раздумывая.

И хуже всего для них было бы услышать хоть чье-то вообще рассуждение о том, а надо ли вообще это делать.

Политически подкованные и по-собачьи верные своей идее большевики не прощали никому даже малейшей попытки вдумчиво и деловито что-либо вообще обсуждать в их сколь над всем довлеющем присутствии.

Им претила сама мысль о том, что кто-то вот собирается чего-либо там «размусоливать», искать время, чтобы все взвесить и до конца обдумать.

Во всем этом они явно видели одну лишь сдачу позиций, в то самое время как враг беспрестанно прет на нас словно тать.

Многие из большевистских главарей мыслили о современной войне как о самой так простой уличной драке.

И возражать им было, как есть именно смерти подобно.

Для тех прямых, не политических, военачальников, подчиненных большевистским стратегам, такое положение дел было вот явно сродни заигрыванию с разъяренным быком при помощи красной тряпки.

А вся эта былинная смелость бравых наскоков на врага на деле объяснялась лишь самой так бездушной имперской тупостью и самым ослепительным безразличием к судьбам вовсе так ничего не значивших для данной власти людей.

В кулуарах партийных советов фронтов день и ночь велась ожесточенная борьба — только не с врагом за линией фронта, а с врагом внутренним: своевольным умником, который слишком много понимал и потому, как считалось, нуждался в девяти граммах свинца как в самом лучшем успокоительном средстве.

И коли бывало оно предложено как та самая только грядущая и пока отсроченная желания спорить и с чем-то не соглашаться оно порою отбивало фактически начисто.

Причем сама та административно-командная система, не принося родине ничего, кроме вреда, грудью ее точно никак не защищала.

Она лишь оберегала свое собственное место в государственной иерархии от любых посягательств со стороны всякого здравого смысла.

И все же до сих самых пор для некоторых именно эти безупречно «бравые усилия» и остаются наиболее решающим фактором в деле отстаивания каждой пяди советской земли.

Точно так же и тот беззаветный труд народа в тылу и по сей день до чего незаконно приписывается неимоверно доблестным усилиям родной коммунистической партии.

А между тем дело было вовсе не в каких-то запредельных репрессиях.

Нет, тогда речь шла об том одном — о высочайшей сознательности народа, совершенно недоступной пониманию тех людей, которые сами не способны оторвать обвислый зад от стула без прямой угрозы разом лишиться любимой бюрократической должности.

А впрочем, продолжим далее по той же заранее заданной теме.

8

Конечно, и на Урале явно имелись кое-какие военные производства, но в основной своей массе цеха эвакуированных заводов в те страшные времена возводили под беспрестанно морозящим осенним дождем и в самую лютую стужу.

Да только для тех нерадивых чинуш, что истово поднаторели разве лишь в осатанелом горлопанстве, любого героизма всегда было сколь еще явно так попросту мало.

Им требовалось все — даже и самое невозможное.

Они воинственно отдавали устные, безапелляционные приказы, и их неукоснительное исполнение не просто вменялось подчиненным в обязанность.

Нет, оно насаждалось именно как нечто такое, чье невыполнение тут же разом и занесет над чьей-то головой самый так острейший дамоклов меч.

И все это как раз потому, что эти невежественные люди считали остальных еще вот неизмеримо тупее самих себя.

Отъявленные невежды отдавали безумные приказы, а их незамедлительное невыполнение было чревато той самой вполне неминуемой смертью для их и без того вконец измученных подчиненных.

Но тут как есть, уж до чего еще весьма ведь наглядно наблюдалась именно та исключительно главная разница.

Настоящие люди беспрестанно твердили лишь о том, что надо всеми силами держаться и не дать врагу пройти дальше.

Подлые же трусы требовали от своих личных войск совсем так иного действия, а именно более чем незамедлительно вытеснить врага за пределы своей державы — любой ценой и без всякой оглядки на самые обыденные чисто житейские реалии.

Партийная, а в ту пору сугубо сталинская братия как раз и состояла из подобных отвратительных и самовлюбленных холуев, которым любое море солдатской крови было вот попросту так совсем по колено.

К тому же они явно успели весьма вот основательно раздобреть от тех бесконечных фимиамов, которые правящая элита с таким усердием воздавала самой-то только себе.

Эти треклятые бонзы безо всякого стеснения до последней нитки обирали и без того нищий советский народ.

Их главной целью было одно — неизменное процветание исключительно своего, будто бы всех и вся победившего класса.

Остальных же они считали бесправными рабами, чья единственная задача — строить и строить новые египетские пирамиды.

Ведь для таких сталинских прихвостней воля фараона была уж точно так явно превыше всего.

А потому они с самой величайшей расторопностью, никак не мешкая ни минуты, до чего еще неизменно стремились как можно быстрее доложить на самый верх об изумительно безупречном и, разумеется, совершенно же безропотном исполнении всех своих исключительно самодурских требований и командных распоряжений.

И именно в этом для них и заключалось все то предельно простое, зато сколь необычайно же усердное служение наивысшей цели.

Более того, по их весьма ведь заносчивому убеждению, все происходящее и должно было осуществляться исключительно под их самым «наимудрейшим» и безупречно ответственным верховным руководством.

А между тем все это явно не имело к общей победе ровным счетом совсем так никакого весьма существенного отношения.

СССР точно ведь победил в той войне совсем не благодаря праведно руководящей роли партии, а только вопреки всем ее волеизъявлениям и намерениям.

Однако при этом какое-либо вообще совсем уж беспардонное очернение прошлого в планы автора вовсе уж никак совершенно не входит.

Ему хочется разве что только и впрямь показать саму суть той войны — и те чудовищно недостойные средства, при помощи которых была вырвана, с мясом, а не здравым умом завоевана вся эта апофеозно-официальная победа.

Причем говоря о том прямо и грубо, весь тот официально признанный подход к ВОВ представляет собой не что иное, как кроваво-красную саморекламу членов военных советов, которые, по свидетельству Виктора Некрасова в повести «По обе стороны стены», добропорядочно держались от линии фронта на некотором отдалении — не ближе пяти километров.

Вот его слова:

«У тов. Брежнева очень убедительно об этом сказано. И о том, что они, политработники, всегда на два шага впереди нас были, рядовых офицеров. А я, дурак, думал, что километров за пять от передовой... Виноват. Каюсь. Было бы время, переписал бы «В окопах Сталинграда». “А может, еще и успею».

10

Причем в гулких речах борзописцев исключительно же им дорогого и крайне ведь искренне, еще при этой жизни ими до самых ведь небес превозносимого генсека не было решительно ничего такого действительно нового.

Французские историки сколь так задолго до всех этих златоглавых академиков уже ведь проявили самый максимум смекалки и околонаучного здравомыслия, чтобы в той же весьма благочинной манере совсем так однобоко обелить великий военный гений огненосного стратега Наполеона.

Так что всем тем современным услужливым переиначивателям всемогуще светлого прошлого было с кого брать вполне достойный пример для заискивающе-бравого подражания — особенно если их сознание и без того было ослеплено чьим-то якобы совсем уж неземным величием.

И вот как до чего уж беспристрастно и здраво описывает все эти потуги натянуть «парчу исторической правды» на злой гений Наполеона граф Лев Николаевич Толстой в своем бесмертном романе «Война и мир»:

«И, наконец, последний отъезд великого императора от геройской армии представляется нам, историками, как что-то великое и гениальное.

Даже этот последний поступок бегства, на языке человеческого называемый последней степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенок, и этот поступок на языке историков получает оправдание.

Тогда, когда уже невозможно дальше растянуть столь эластичные нити исторических рассуждений, когда действие уже явно противно тому, что все человечество называет добром и даже справедливостью, является у историков спасительное понятие о величии.

Величие как будто исключает возможность меры хорошего и дурного.

Для великого — нет дурного.

Нет ужаса, который бы мог быть поставлен в вину тому, кто велик».

11

Важные, и во всей своей донельзя вязкой науке до предела же довольно-таки верно подкованные мужи и во все те сколь давно ныне минувшие времена весьма премудро бряцали восторженными словесами, тем самым лишь запальчиво оправдывая свой спецпаек, а также и все прочие удобства, столь им необходимые для написания их «шедевров мысли».

Да и кому, как не им, было столь еще ответственно громыхать чужой, алой кровью добытой славой, откровенно пыжась при этом своим люто безбожным и безбрежно довлеющим всезнанием?

Сами-то они при этом весьма скромно стояли в тени тех до чего только пышных лавров, что явно доставались им в дар из рук по временам и впрямь весьма гостеприимной, на широкую ногу весьма ведь подчас исключительно щедрой политической власти.

А уж она безо всякой в том тени сомнения разом одаривала их вполне прилюдно и радостно — и главное совсем не иначе как в качестве самой должной вот платы за весь тот чрезвычайно усердный и отнюдь незаурядный эпистолярный труд.

А впрочем, именно так оно, собственно, всегда и бывало: всласть обласканные властью деятели гусяного пера с самых еще незапамятных времен неизменно переписывали историю в тех рамках, какие были удобны нынешним очередным же правителям.

И все это лишь потому, что в ответ те щедро одаривали их всевозможными земными благами и окружали тем самым почти неземным почетом.

12

И, кстати, совсем уж нет ничего нового во всей той крайне незамысловато мутной и грязной политической истории.

Ибо именно так в ней еще изначально и было заведено обделывать самые так до чего еще насущные дела.

Одних там почти всегда было принято, вовсе не утруждаясь при этом никакими объективными реалиями века, весьма так благочинно возвышать. Других же — немедленно, ни взирая на лица, стирать в порошок, раз такова она ныне текущая общая линия.

Вот, например, тот грянувший, словно гром среди ясного неба полный развал блистательной империи Александра Македонского после смерти великого полководца.

У этого необычайно талантливого завоевателя, в конечном счете, не оказалось совсем ни одного по-настоящему достойного преемника.

И потому почти сразу после его кончины империя была поспешно разделена на части его исключительно ревностными в соискании славы и доблести диадохами.

Однако такая правда кое-кому была более чем принципиально неприемлема, отвратительна и, главное, крайне же совсем неудобна.

Дегероизация и в те далекие времена была совсем так никак не в почете.

То есть налицо было самое так бесстыдное перекрашивание истории на кому-то лично ведь самый идеально нужный лад.

И дело то было явно не нынешнее, а той еще двухтысячелетней давности.

Более того, вполне общеизвестно, что тем сколь немалым числом ныне уж давным-давно совсем позабытых древних подхалимов-историков тот самый чисто незамедлительный раздел империи Александра до чего лживо именовался преднамеренным разделом своего царства самим великим вождем — будто бы он сделал это заранее так и предчувствуя свой до чего скорый и близкий конец.

Современников подобная трактовка, быть может, уж сколь явно ведь более чем безупречно устраивала.

Однако нынешняя история — наука предельно точная, и она все равно со временем, не мытьем так катаньем, обязательно докопается до кем-то никак не однажды затаенной истины.

Вот, к примеру, совсем так недавно был полностью обелен Ричард III, оболганный современниками и фактически вознесенный великим Шекспиром на жертвенник, считай же вековой исторической кривды.

Никакого горба у него, как выяснилось, явно ведь не было.

А впрочем, в поисках затерянной или тем более кем-то и впрямь до чего злонамеренно утаенной правды вполне так необходимо проявлять самую как-никак большую щепетильность.

Но при этом никому вовсе уж никак не должно быть дозволено бросать даже и самую малейшую тень на тех зачастую безымянных защитников нашей не столь уж давно бескрайне широкой единой родины.

Именно их светлой памяти мы все как один и обязаны своим самым обыденно простым физическим существованием.

13

Однако при всем том никак невозможно не признать того одного: куда получше будет узнать горькую истину, чем всю свою жизнь без конца пережевывать басни старой, не в меру подслащенной советской лжи.

На тех же немцев ныне в Европе никто не смотрит искоса и никто не тычет в них пальцем как в диких и заклятых вандалов — лишь потому, что их дедам и прадедам когда-то довелось развязать кровавую бойню, зверски изничтожив миллионы и миллионы мирных людей.

В свое время отчаянно спесивым представителям германского народа, столь откровенно провозгласившего себя высшей расой, был преподан вполне достойный и наглядный урок.

То есть им очень доходчиво объяснили, куда именно соваться явно никак так вовсе не следовало.

И действительно, дьявольски окостенелая нацистская идеология несла в себе отчетливо сатанинские черты: лютую ненависть ко всему чужому и донельзя грубое самообожание.

Ну а коли наших общих предков бесстыдно и подло обманули, наобещав им сладкую жизнь, добро и свет, — разве не ясно, что нечто подобное и близко вот вовсе не то же самое, что и до чего еще напыщенно-эгоистическое возвеличивание собственного народа как наилучшего из всех существующих на этом свете?

В России звериный национализм в массах не мог бы столь же благополучно прижиться в 30ые годы прошлого века.

Ну а то чисто так внешне заявленное единство и братство народов было, при этом по сути, одним лишь единством сущего рабства, и за ним вполне так более чем наглядно прослеживалось самое так последовательное уничтожение всякой той еще бывшей самобытности.

Да и вообще та самая весьма так неприглядная коммунистическая ложь как есть, изначально еще была куда коварнее и значительно более завуалированной, чем порою до конца откровенная и эгоистичная нацистская кривда.

Чистая правда, вывернутая наизнанку, бывает иной раз куда опаснее подлого вранья — особенно когда она где-то изнутри доверху переполнена ненавистью и страхом перед всем чужим и будто бы инородным.

СССР действительно защищался от чудовищно грубой вражеской агрессии.

Но при этом сталинская клика попросту никак не сумела именно первой нанести свой до чего только подлый удар.

Однако подобное вовсе не снимает с нее всей той тяжелой и крайне так непростительной вины за всю ту сколь еще отчаянную ретивость, с какой монстр СССР вполне так явно участвовал в развязывании Второй мировой войны.

Причем официальное признание данного факта ничуть так не преуменьшило бы заслуг народов СССР в том самом планомерном удушении проклятого фашистского рейха.

И если даже на одну только минуту допустить, что Советская Россия и впрямь мечтала по-братски обнять весь западный мир в медвежьих объятиях социализма, то это вот разве что ныне бросает ту весьма так явную дополнительную черную тень на извне завезенную проказу вконец обезличивающего все и вся большевизма.

Но и это никак еще не означает чего-либо действительно большего.

И коли подобный факт когда-либо будет признан полностью официально, то чем это тогда вчерашние грехи промозгло-серого коммунистического тоталитарного режима еще уж смогут до чего неистово взбаламутить мутную воду не столь и далекого прошлого?

14

И разве можно вот все это и далее сколь так еще тщательно же скрывать?

Между будничными действиями истых приверженцев коммунизма и нацизма было чрезвычайно так много на деле общего — за одним, быть может, самым уж как есть на редкость конкретным так исключением.

И это именно те два тяжелейших десятилетия интернационального социализма и создали все те наиболее должные условия для того дальнейшего уж затем появления во время войны такого числа предателей из своих, какого прежде и представить было явно никак попросту невозможно.

И речь тут идет о тех нелюдях, что были готовы вновь и вновь мारать руки кровью мирных граждан и собственных соотечественников, состоя при этом на службе у Третьего рейха.

А ведь то и был именно тот режим, более уж безжалостнее и куда так весьма так продуктивнее которого в деле лютого убийства человеческая история доселе явно уж вовсе попросту и не знала.

Причем весь тот чудовищный, зверский лик, который в течение нескольких лет войны был обращен к гражданам советской России, никак так точно не имел уж почти ничего общего, с каким бы то ни было отношением к человеку как таковому.

Да и сами те бесчеловечные условия дьявольски скотского содержания наших военнопленных весьма немало поспособствовали всякому дальнейшему пробуждению в обычных людях до чего откровенно свирепых инстинктов ярой бесчеловечности.

И это при том, что вся та жесточайшая, до последней степени обезвоживающая человеческую душу реальность немецкого плена могла бы оказаться во многом иной, подпиши СССР соответствующие международные соглашения.

И это как раз тогда советские солдаты уж явно тогда содержались бы в несколько иных условиях.

Они при данных условиях вполне бесперебойно получали бы посылки Красного Креста, а сами нацисты, более чем возможно, что никак и близко вовсе-то не осмелились столь ведь зверски обращаться с ними совсем уж как с теми вовсе-то до чего еще совсем бесполезными животными.

И ясное дело, что при данном раскладе всецело существовал хотя бы вот некоторый международный надзор за происходящим в лагерях советских военнопленных.

А те лагеря были, прежде всего, самым неизменным образцом медленной и мучительной смерти.

И почти с самого еще начала войны их стало несчетное множество — словно звезд на небе.

Главное же состояло в том, что пленные советские солдаты вовсе не считались в глазах оккупантов хоть сколько-то вообще людьми.

Ну а кабы положение советских военнопленных не было бы столь уж весьма ужасающе плачевным, то, как это тогда еще и впрямь удалось нацистским агитаторам поставить под ружье под знаменами рейха настолько большие людские массы?

Медленная и мучительная смерть или служба на благо врагу — кто, собственно, виноват в том, что советскому воину жизненно необходимо было делать этот выбор?

И неужели непонятно, что для очень даже многих людей данный выбор между жизнью и верной смертью слишком часто совершается — пусть и почти помимо воли — в пользу продолжения жизни?

И со всем этим никак ничего нельзя было хоть чего-либо вообще вот явно же поделать.

А потому и явно так вовсе нечего столь откровенно поражаться самым невероятным масштабам массового предательства среди красноармейцев, присягавших на верность родине.

Родина сама их всех более чем беззастенчиво предала — и главное весьма так задолго до всякого начала военных действий, до чего только злонамеренно не присоединившись к Женевской конвенции.

И дело тут не только в гуманном обращении с пленными и не только в тех прямых обязанностях, которые эта конвенция накладывала даже в тех случаях, когда одна из воюющих сторон ее не подписала.

Подпись под Женевской конвенцией, это стоит повторить еще и еще раз, вполне так гарантировала бы хоть некоторую же возможность инспекций санитарных условий в лагерях военнопленных и доставку посылок Красного Креста.

Но для Сталина никаких пленных солдат попросту никогда так вовсе не существовало.

Все они были для него лишь грязными подонками, предавшими его личную персону, а вместе с нею — как это ему виделось — и мать-родину.

Он возвышался над всем и вся не только своими статуями, но и чудовищно завышенным самомнением.

И потому всякий, кто выпадал из-под его опеки и оказывался в стане врага, автоматически ставился им на одну доску с неприятелем.

И уже не имело никакого значения, добровольно ли человек там оказался или был захвачен силой, когда у него попросту вот не осталось ни единого патрона.

Люди, попавшие в плен и очутившиеся в совершенно так нечеловеческих условиях, подчас стремительно теряли прежний моральный облик.

И потому некоторые из них и цеплялись за службу немцам как за единственную возможность вырваться из цепких объятий костлявой старухи с косой.

Тем более что и сама идея, которой им теперь предстояло служить, по всей своей внутренней сути никак не всегда казалась им столь радикально отличной от того, с чем они давным-давно уж явно вот вовсе, считай, как есть совсем поневоле обвыклись.

И, разумеется, автор и не помышляет оправдывать тех, кто пошел служить немцам.

Но были люди, сломавшиеся удивительно легко, а были и те, кто делали выбор в пользу жизни, уже находясь на самой грани голодной смерти.

И главное всегда ведь находятся те, кто смотрит на войну совсем так издалека.

Эти глумливые умы до чего охотно и гадко осуждают всех тех, кто поднял руки, хотя сами, очень даже может быть, сделали бы это куда только раньше.

Причем среди подобных ура-патриотов действительно встречаются и люди, сидящие своим крепким задом на совершенно недостижимо высоких должностях.

И это именно такие беспардонно язвительные и языкастые молодчики, вальяжно развалившись в мягких креслах, сколь так еще самозабвенно командуют парадом и раздают войскам совершенно же убийственные и нелепые приказания.

И да именно там, в самой глубине таких политически злокачественных опухолей на теле мира — Третьего рейха и СССР, — и обитали чиновники, державшиеся от линии фронта как можно только совсем ведь подальше.

Но при этом именно они более чем так бесцеремонно и навязчиво лезли в душу с советами тем, у кого над головой беспрестанно рвались снаряды.

Причем в суровых реалиях СССР, с самым еще явным учетом всей его до чего особой государственной действительности, все это выглядело, куда только пострашнее, чем даже в той же Германии.

И именно потому гитлеровцы явно сумели пройти своим уверенным, и вовсе никак не робким шагом от самых далеких окраин почти уж до самой Белокаменной.

И, разумеется, это не было единственной и решающей причиной столь вот стремительного продвижения немецких войск в самую глубь страны.

Но во главе угла тогда стояло именно так совсем другое: отчаянно ретивая командно-административная система попросту гнала и гнала свой народ строго вперед, на запад.

А враг беспрестанно перемалывал эти солдатские массы в мелкую труху, зачастую не неся при этом хоть сколько-нибудь больших собственных потерь.

17

А между тем, какая бы мощная сила в единый миг на нас не обрушилась, сходу сминая войска, все равно полуобескровленные части можно было бы хотя бы частично рассеять и, спешно отступая, создавать в тылу у безудержно прущего вперед противника самые многочисленные партизанские отряды, способные до чего же чувствительно разить врага.

У всякой армии обоз — одно из самых слабых мест.

Да и вообще, гнать войска вперед и только вперед в случае внезапного нападения могла одна лишь та пресловуто всенародная политическая система, которая если и различала своих и чужих, то разве что на ощупь и лишь в самой так вовсе вот непосредственной близости от самой-то себя.

Потому что для нее, по сути, все были вполне одинаково никак не свои.

Она до чего безоглядно стремилась лишь к одному — к беспредельному расширению и без того необъятных границ, к беззастенчивому перекраиванию всего мира под флагом своей штампованно-алаяповатой идеологии, столь уж старательно перемалывающей людские кости.

А вот с умом и честью защищать свои собственные государственные рубежи она никак не умела и, по сути, вовсе-то совсем явно не могла.

И именно так оно было как раз потому, что в ней еще изначально слишком глубоко был заложен хищнический инстинкт.

А чисто потому и атаковать представлялось ей единственно верным средством защиты от всякого агрессора, сколь так явно осмелившегося посягнуть на вотчину единственно правого по своим «светлым» идеям марксизма.

18

Однако может быть, хватило бы и того, чтобы хоть сколько-то вовремя саперы успели перерезать несколько магистралей весьма плотно их, заминировав, подорвать мосты — и на том и был бы полный конец блицкригу?

Да только нечто подобное было бы совсем уж явно не по-советски.

Тут, понимаешь ли, подавай самое немедленное контрнаступление — и баста.

А между тем абсолютно любые броски войск до чего только строго разом вперед на деле следовало осуществлять со вполне же зрелым и ясным умом, то есть безо всякой той еще остекленелой панической истерии в ясных как у сокола глазах простоватого хама — пролетарского военачальника.

И коли подчас и приходится военачальнику во всем соответственно обстановке действительно предпринимать подобные весьма поспешные действия, то уж выполнять их при этом нужно было сколь ответственно, вдумчиво и рассудительно, а никак не безумно и безрассудно.

Да и вообще кое-кому явно стоило бы, уж считай ведь заранее призадуматься о той самой исключительно злосчастной судьбе тех бесчисленных войск, что были безо всякой нужды и пользы загублены в результате прорыва обороны вовсе так никак совсем не глупым противником.

И это вот как раз при подобных трагических обстоятельствах в 1942 году и попал же в плен генерал Власов.

И хотя этот человек был вполне верным долгу сталинским выдвиженцем, все же было бы вовсе-то совсем так несказанно лучше, кабы он и далее точно также продолжил службу родине на той самой единственно верной ей стороне.

Как ни крути, а самые бесспорные полководческие способности Власова могли бы принести стране весьма ощутимую пользу.

Тем более что немало других сталинских соколов по всем своим до чего явным задаткам были, куда только весьма наглядно хуже предателя Власова.

И именно потому тот немалый вред, который они причинили своей отчизне, во много раз превышал зло, сотворенное всеми офицерами РОА.

Серенькие мыслишки безнадежно тупых обогревателей высокопоставленных кресел черным дегтем мазали всякое порой жизненно необходимое отступление, как и всякое по-настоящему продуманное создание четкой линии обороны. А между тем именно это на любой современной войне и становится одним из тягчайших преступлений против своих же собственных защитников.

Полное незнание истинных батальных реалий, пребывание в собственном мире идеологически выверенного угара — все это разом и создавало тогда ту до чего удушливую атмосферу сивушного перегара беспрестанных наступлений прямо так на пятки врага.

Да только тот враг тем временем явно и не думал улепетывать восвояси.

19

И главное: тупо бежать чересчур так резво вперед и в борьбе с некоей страшной стихией — уже само по себе никак так явно вовсе не дело.

А когда речь уж пойдет о враге безупречно разумном и здравомыслящем, то тут и вовсе впору сказать: совсем так пропащее это дело.

А именно потому, прежде чем той одной, полностью укомплектованной личным составом дивизии и вправду отдавать самый вот суровый приказ о том исключительно поспешном наступлении, да что там дивизии — даже и тому самому отдельному боевому подразделению, — следовало бы как следует все еще весьма уж тщательно перед этим на редкость обдумать.

Ведь и патроны солдату не полагается тратить совсем так попусту, стреляя в белый свет как в копеечку, а тут речь идет о многих живых людях.

А потому и надлежало, не скупясь на время, буквально все четко и взвешенно до конца продумать: мысленно взвесить все препятствия и преимущества, сопоставить топографию местности с расстановкой сил — как своих, так и вражеских.

А иначе из всего этого могло ведь выйти лишь только то одно: пустое и почти совсем бессмысленное разбазаривание и техники, и тех удивительно храбрых духом людей.

И вот как разительно точно звучат те самые меткие и хлесткие слова великого белорусского писателя Василя Быкова.

Его повесть «Карьер» более чем наглядно говорит об одной из самых главных задач непомерно разбухших штабов: производить целые горы в стратегическом смысле почти бесполезной бумаги.

Василь Быков, «Карьер»:

«— Да ну их, этих щелкоперов! — снова повысил голос Желудков. — Терпеть не могу. И на войне не терпел. За что их уважать?»

Бывало, если какая операция намечается, сроки ведь ужатые, так эти штабы на бумаги все время и угробят. Месяц с бумажками возятся, графики чертят, перечерчивают, утверждают и согласовывают. Потом ниже спускают, опять чертят и согласовывают и так далее. А придет,

наконец, к исполнителю, в полк или батальон, времени и не остается. Комбату некогда на местность взглянуть, где наступать будут, до атаки час светлого времени остается».

20

Причем это как раз из-за подобных заоблачных планов великая страна и встретила начало войны, по сути, во всеоружии еще изначально бесплодной попытки одним только нахрапом вытеснить врага именно туда, откуда он столь внезапно к нам разом пожаловал.

А между тем одним из тех наиболее же наглядных последствий этакой безбожно простецкой тактики и стало то самое более чем беспардонное вклинивание немецких войск в чудовищную глубину тогдашней советской территории.

И надо бы тут более чем невозмутимо и желчно, хотя бы и мимоходом, уж разом заметить одно: всякое грандиозное поражение неизменно производит тяжелейший психологический эффект.

Да и вообще сколь смело наступать и идти в лобовую атаку, можно было лишь в том одном разве что как есть единственном случае, а именно если тебе и впрямь на деле считай уж заранее ведомо, чего это именно день и ночь беспрестанно творится на вверенном тебе участке фронта.

И вот коли у главнокомандующего фронтом сквозь всю мутную нетрезвость только ведь и хватает всего его «большого ума» лишь на то, чтобы после наглого телефонного трезвона встать во фрунт и послушно и подобострастно отрапортовать, что все, мол, давно готово к безумно долгожданному широкому наступлению.

Ну а затем оно тогда, конечно, так вскоре уж разом ведь и начнется.

И многие люди будут вовсе так бессмысленно гибнуть, потому что без тщательно выверенных на карте точек удара всякое наступление почти мгновенно превращается в самую обыкновенную свалку.

Причем одна и та же картина всеобъемлющего хаоса сопровождала практически все крупные наступления Красной армии.

А уж в самом начале той войны всеми этими бравыми кавалерийскими наскоками можно было разве что совсем так сгоряча сколь еще невзначай, и помочь тому самому абсолютно безжалостному врагу.

Причем как раз именно всем тем более чем весьма откровенным истерически наступательным разгильдяйством, на редкость, во многом потворствуя его до чего и впрямь семимильному завоевательному шагу.

А именно той более чем великой спешкой, необдуманностью, а еще и самым так залихватским желанием сколь поскорее надрать бы уши совсем не в меру наглому нацистскому агрессору.

И главное всем этим вместе большевистские brave конники нередко оказывали попросту же неоценимую услугу именно так лютomu врагу, а особенно если тот свое дело знал и понимал, куда только лучше их.

21

Главные большевики сколь неизменно стремились задавить врага массой именно там, где весьма верно требовалась сила до чего острого ума в самом прямом сочетании с усердием, талантом и самым полноценным образованием.

Ну а тем совершенно ведь бездумным созданием атмосферы сколь еще только бездумной и бесталанной массовости как раз и можно было сколь еще довольно-то быстро ведь морально ослабить и разложить собственные части — причем совсем так задолго до всякого прямого соприкосновения с живым противником.

Ведь те самые беспрестанные налеты вражеской авиации вполне еще возможно было предвидеть и потому не собирать людей в огромные группы.

Не отправлять сразу целые эшелоны на фронт, а везти людей на грузовиках или даже гнать пешком — но без сумасшедшей спешки и при нормальном питании в дороге.

Всякий иной подход и не мог кончиться ничем, кроме тупого изматывания собственных войск еще на подступах к фронту.

Да и уже в непосредственной близости от врага эта дикая спешка была, как и понятно, чревата самой так явной и несусветной неразберихой.

Ведь те самые гражданские люди, которых еще вчера в великой спешке призвали в армию прямо из родного двора, пока вот еще оставаясь живыми и здоровыми, уже были совсем так никак невыспавшимися, толком не кормленными, затасканными дорогой и сутолокой.

И потому бросать их сходу в бой значило лишь одно: отдавать их фрицам на заклятие.

Причем почти ведь никого из немцев эти живые люди при этом наверняка не успевали на самом-то деле действительно убить, и совсем ничего никак они не останавливали, а разве что попросту полегли эти солдаты все как один в чистом поле фактически же даром.

И те, кто их спешно отправлял на верную смерть обо всем этом, как правило, по прошлому опыту знал, однако отчетность есть отчетность, а потому все эти новоприбывшие части и следовало без всякой оглядки на местности более чем немедленно бросать на затыкание прорех в чрезвычайно протяженной линии фронта.

Да и вообще при советской системе многоглавого, но при этом совершенно так бестолкового командования порой было очень даже непросто понять, где свои, а где немцы.

Слишком многое тогда отчаянно перемешивалось в тяжелейших условиях встречных боев и сумасбродно массивного наступательного натиска.

И потому те же танки порой давили куда больше своих солдат, чем врагов.

Ну а в самом начале войны тем более: сущая разногласица иступленных криков, раздававшихся откуда-то издалека и бесшабашно призывавших солдат умирать за родину, подчас напрочь убивала в людях саму веру в грядущую победу.

А между тем, как бы ни был недоразвит ум простого человека, это вовсе еще никак не означает, будто бы он у него полностью так вполне наглядно отсутствует.

И вот оно тому самое живое подтверждение — слова из дневника деда автора, Спиртуса Бориса Давидовича:

«Помню такой характерный эпизод. Мне позвонили из облвоенкомата и попросили выступить на вокзальной площади перед бойцами четвертой армии, которые отступали от румынской границы в сторону Донбасса, но отбились от своих частей и попали в Крым.

«Только учтите, — сказали мне, — когда будете читать лекцию, что, по их мнению, у нас ничего не осталось, и война фактически уже кончилась».

Когда я увидел эту толпу небритых людей в потрепанных шинелях без поясов, то разозлился и стал говорить с большим подъемом, стараясь воздействовать на их души.

Я доказывал им, что война только начинается, наши силы неисчислимы, и победа будет за нами.

Сам был поражен, как эти люди преображались у меня на глазах.

Я понял, что, несмотря на тяжелое положение, на пережитые беды, они способны творить чудеса, если их воодушевить и умело ими руководить.

Когда кончилось мое выступление, они дружно прокричали «Ура!» и стали задавать мне вопросы. Один из них задал два каверзных вопроса.

1-й вопрос: «Почему мы все время отступаем, не принимая боя? Только зайдем новые позиции, начинаем окапываться, как получаем приказ отходить дальше».

2-й вопрос: «Почему мы не видим ни одного командира больше, чем с кубиками? Старшее начальство уезжает, оставляя нас на произвол судьбы».

22

А между тем все эдакие довольно частые передислокации происходили лишь только потому, что умные командиры прекрасно понимали: пользы от подобных позиций далее не будет совсем ни на грош.

Ведь если враг уже где-то далеко в тылу, то незачем и далее цепляться за рубеж, который он фактически обошел: так только уж попадешь либо в окружение, либо, чего доброго, прямо вот к фрицам в плен.

Но хуже всего — безо всякой нужды снова и снова гнать людей вперед, в атаку.

Потому что, когда это спешно затеянное наступление захлебывается собственной кровью, оно почти без промедления превращается в безотрадный и бешеный панический драп.

И главное: при той злосчастной советской системе командования первыми драпали именно сурово насупленные отцы-командиры.

А потому при подобном ходе дел армию раньше вражеских пуль вполне настигало то самое чисто внутреннее, ржавое разложение.

И вот если бы наши войска в том самом далеком 1941 году и впрямь-то заняли именно ту чисто оборонительную позицию, которая сама собой логически вытекала из общей обстановки, то есть если бы они полностью обошлись безо всяческих заранее обреченных на провал осатанелых контрнаступлений, — тогда уж, глядишь, они и за те два года, а не за четыре, явно сумели бы с честью выполнить весь исторический план по разгрому фашистской Германии.

Да только по чудовищно адскому замыслу тех, кто днем и ночью бездумно бдел во имя самого строгого соблюдения непримиримо-бескомпромиссной линии коммунистической партии, вся эта война и должна была вестись лишь с боем, с показным рвением, как и с полным пренебрежением ко всякой реальной цене всякой человеческой жизни.

23

А между тем, коли бы наши части в самом начале той войны со всею поспешностью, но все же организованно отступили, то это как-никак весьма вот большой ведь вопрос, сколько именно людей тогда совсем никак не попало бы без всякого боя в немецкий плен.

И, быть может, эти бойцы затем ведь продолжили воевать и бить фрица — не как мышь, угодившая в темный мешок, а как люди, способные сражаться дальше без всякой тени навязанного сверху сумасбродства.

Потому что из всего того невнятного говора нестройной толпы безликих лизоблюдов, до чего только близких к трону усатого ирода, можно было разобрать, по сути, лишь то одно: из ставки верховного главнокомандующего беспрестанно лились бешеные дифирамбы всяческой вовсе безбожной наступательной истерии.

И, сколь явственно пребывая в этом бодром и приподнятом самообмане, большевистские воители по-иезуитски злокозненно чеканили шаг той весьма так незамедлительной смерти для весьма многих собственных войск, тупо направляя их вперед и вперед — на тот самый чистый убой.

Причем тем самым наиболее главным для них было разве что то одно: не подпустить врага ни на шаг, ни на пушечный выстрел к центру принятия всех решений — Москве.

Ну а сами те сколь мелко суетливые человеческие жизни при этом уж совсем так беззастенчиво вычеркивались из всякой сметы; более того, те люди считай, так заранее снимались со всякого воинского довольствия — словно были уже не живыми солдатами, а заранее списанным расходным материалом.

И главное: всем тем весьма так безалаберным, шапкозакидательским демаршем тогда уж явно стугили скольких хорошо обученных, еще до всякой так войны подготовленных бойцов, — а смена им пришла уже совсем не та.

Причем никак не в общечеловеческом смысле — а только лишь в смысле воинской подготовки, внутренней собранности и хотя бы вообще сколько-нибудь разумного же понимания самой как она есть природы всякой современной войны.

Потому что в весьма строгих условиях самого так всеобъемлюще техногенного фактора уже совершенно так недостаточно было одной лишь яркой искры личной храбрости.

Нужны были еще и знания, и опыт, а также и самое ясное понимание того, откуда, чем и как именно может в следующий же миг ударить война, а тем и разнести в щепы чью-нибудь до чего еще чересчур нахрапистую пролетарскую самонадеянность.

Причем кадровиков и без того свои же бдительные чекисты частенько приструнивали, а то и весьма основательно, по-хозяйски, постреливали за то самое «вредное умничанье», которое с величайшей легкостью ими тогда сколь наспех переименовывалось в сущие малодушие и трусость.

24

Да и тот как он есть легендарно «отеческий» приказ «Ни шагу назад!» был не только более чем незамысловато сколь еще откровенно жесток.

Нет, он был к тому же и слепо донельзя претупен.

А потому и суждено ему было внести в быт отступающих частей самый так явный элемент мгновенно иссушающей душу трусости.

Потому что сзади, как оно более чем строго выяснилось, был вовсе не тыл, а смерть — или, в лучшем случае, отсроченная смерть, штрафбат.

Отступавших там совсем не жаловали.

Их чуть ли не сразу всех до единого записывали в предатели.

Но судьи-то кто?

Да все те же самые люди, которые, вполне ясно определив для себя главную цель своей борьбы, всей душой стояли лишь за одно — за безупречно верное сохранение основ существующего общественного строя именно в том виде, в каком он им был нужен.

Именно потому, огнедышаще дыша солдатским массам прямо в затылок, истово верные своему делу «защитники социализма» так страстно любили, чеканя каждый слог, проникновенно читать мораль тем, кого за малые и большие прегрешения спешно снимали с переднего края.

Они всеми силами старались оправдать доверие коммунистической партии, пославшей именно их на это ратное поприще, а не кого-нибудь, по их разумению, для такого дела вовсе никак не годного.

А партия эта после до чего частых и тщательных чисток действительно была сколь беззаветно предана делу Ленина — под необычайно доблестным и чутким руководством товарища Сталина.

И именно под этим его «строгим и праведным» руководством все вокруг и рушилось.

Однако ведь тем доблестным мастерам кулачного боя в тихом тылу воевать со своим же народом всегда было куда сподручнее и, главное, куда так привычнее.

Вот в этом они и были по-настоящему деловиты и вопиюще сноровисты.

К тому же подобная хлебная и сытая должность держала их до чего еще предостаточно так далеко от всепоглощающего пекла передовой: небось, немец не искалечит, не испепелит, не изжарит.

25

А чисто ведь как раз, поэтому ловить и расстреливать трусов и паникеров и стало для всякого рода заплечных дел моралистов делом почти уж истинно героическим.

И это именно они и заняли позу самых так отчаянных радетелей и заступников за весь тот якобы до последней капли крови им до чего только родимый край.

И это чисто в этом своем качестве они и начали сражаться за каждый сантиметр советской земли — но никак не воинским умом, а разве что одними только смертоносными резолюциями.

А потому и тот сталинский лозунг «Ни шагу назад!» был, по сути, лаконичным призывом лечь костями на пути врага, а вовсе не всеми силами победить его в настоящем ратном бою.

И этакий более чем беспрецедентно преступный, по сути своей, приказ начали проводить в жизнь еще с августа 1941 года, хотя он тогда никак пока совсем не висел повсюду в войсках в виде официально вывешенного лозунга.

Однако во всех инструкциях для армейского начальства он уже был весьма надежно оформлен в самые безапелляционные и не терпящие никаких возражений рамки негибкой воли величайшего вождя.

И, разумеется, всякое начальство с этим лозунгом было сколь еще явно так ознакомлено на редкость весьма и весьма так более чем досконально.

Ниже — яркий и совершенно непредвзятый пример из книги военного корреспондента «Красной звезды» Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»:

«Знаете приказ: «Ни шагу назад»? Вот молотит немец по сотням людей, а стоит отвести их за обратный скат высоты, и люди будут в безопасности, и тактического проигрыша никакого, и техника сохранится. Но вот есть приказ: «Ни шагу назад», — и держат под огнем, и губят технику, губят людей.

— Вот-вот, совершенно верно, — сказал Бова, — в сорок первом году двух полковников к нам в армию из Москвы прислали проверить этот самый приказ «Ни шагу назад». А машины у них не было, а мы за трое суток от Гомеля на двести километров драпанули. Я полковников взял к себе в полуторку, чтобы их немцы не захватили, а они трясутся в кузове и меня просят: «Дайте нам материалы по внедрению приказа «Ни шагу назад»...» Отчетность, ничего не поделаешь».

26

Отчетность во всем так сколь весьма суровая подотчетность, как и до чего вертляво, заискивающее перед всяким высоким начальством мучительно вкрадчивое и низкопоклонное очковитительство...

И фактически главным тут было одно: чтобы все, значит, шло по некоему единому плану — и безо всяких излишних задержек.

Но скольких же бесчисленных и никем никогда так и не подсчитанных человеческих жизней стоили нашей общей отчизне те бумажки, что где-то в далекой тыловой тиши бездумно составлялись и спускались вниз как самая непререкаемая чья-то же барская воля?

Бумажные планы били по рядам наших солдат порой куда так явно похлеще вражеских пуль.

И как все — это вообще на деле могло же восприниматься многомиллионными массами в серых шинелях?

А между тем тот простой солдат вовсе так никак не дурак.

Он все прекрасно мотает себе на ус, и, будьте уверены, рано или поздно он будет способен сделать из всего им увиденного самые так закономерные выводы.

27

И главное, само собой оно разом уж ясно: тот до чего повседневно наблюдаемый дикий кавардак поначалу действует на солдата угнетающе, а затем сколь отчаянно разлагающе.

Кавардака, мол, никакого не было, а все разговоры о нем — сущие происки врагов развитого социализма?

Нет, этакому слащавому вранью давно уже следовало бы сказать твердое «нет».

Потому что все прежние грехи обыденной большевистской действительности во время войны обострились, считай, вдесятеро.

И паническая истерия, и дикий хаос, а также и сущая разноголосица мнений были тогда таковы, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

И вот он тому до чего яркий и самый наглядный пример из рассказа Владимира Тендрякова «Донна Анна»:

«Это было началом нашего отступления.

До Волги, до Сталинграда...

Я видел переправу через Дон: горящие под берегом автомашины, занесенные приклады, оскаленные небритые физиономии, ожесточенный мат, выстрелы, падающие в мутную воду трупы и раненые, лежащие на носилках, забытые всеми, никого не зовущие, не стонущие, обреченно молчаливые.

Раненые люди молчали, а раненые лошади кричали жуткими, истеричными, почти женскими голосами.

Я видел на той стороне Дона полковников без полков в замызганных солдатских гимнастерках, в рваных ботинках с обмотками, видел майоров и капитанов в одних кальсонах. Возле нас какое-то время толкался молодец и вовсе в чем мать родила. Из жалости ему дали старую плащ-палатку.

Он хватал за рукав наше начальство, со слезами уверял, что является личным адъютантом генерала Косматенко, умолял связаться со штабом армии. Никто из наших не имел представления ни о генерале Косматенко, ни о том, где сейчас штаб армии».

28

Да, и словом и делом были совсем ведь бесшабашно тогда верны одной лишь и только большевистской партии генералы той Краснознаменной армии.

А все это потому, что как есть, до чего нарочито была она явно же напрочь очищена от всякой же скверны самостоятельной мысли и личной ответственности.

А, следовательно, слишком мало в ней тогда осталось тех надежных кадров, которые при любых обстоятельствах были бы чисто вот внутренне приучены без малейших колебаний брать ответственность на себя, вполне понимая всю ее тяжесть и потому готовых затем строго отвечать за свои решения хоть перед Господом Богом, хоть перед воинским трибуналом.

Зато в штабах многих армий тогда и впрямь процветало самое беспринципное чинопочитание, доходившее до откровенного лизоблюдства.

И наиболее главным было с наскока чего-нибудь непременно так взять, а людей при этом можно было терять сколько угодно — это ровным счетом ничего тогда совершенно не значило.

Соответственно и успех тех или иных операций слишком часто связывали лишь с силой натиска, не считаясь ни с какими, даже и самыми ужасными, потерями. Да и вообще почти все в ту войну полагалось делать незамедлительно, массово и лавинообразно, всей грубой пролетарской мыслью возлагая надежду лишь на один тот неудержимо яростный человеческий фактор.

Любая здравая инициатива при этом оставалась более чем явно так наказуемой, причем даже и в случае самого наглядного успеха.

И вполне оно могло так случиться, что именно за победу здравого смысла над штабной тупостью слишком уж грамотного командира никак так тогда не расстреливали, а просто же отправляли его на самую верную гибель.

После всех тех злокозненно въедливых и широкомасштабных чисток в довоенном армейском корпусе уже никак далее не осталось всего того прежнего числа командиров, способных самостоятельно чего-либо решать, без той весьма бесцеремонной и навязчивой подсказки сверху.

Да уж чего тут только вообще вот поделаешь?

Красная армия накануне войны была до чего так варварски омыта самой чудовищной кровью, почти до блеска очищена от действительно же вполне профессиональных военных.

Причем иначе и не скажешь: в ходе той еще проведенной в 1937 году «хирургической операции» по удалению у армии значительной части ее костного и головного мозга яростная пята НКВД вдавила в пыль не одну ту бледную как моль от страха военную верхушку, и впрямь-таки бывшую в некоторой оппозиции к Сталину.

Нет уж точно той же участи удостоились и многие умные, знающие люди, просто вот до чего нелепо попавшиеся кое-кому под горячую руку.

А на место этих толковых кадровых военных были спешно посажены тупые марионетки, которыми вождь мог шевелить, словно пальцами собственной руки.

И это именно такой, сталинской скороспелой выпечки генерал мог мигом же сообразить, и впрямь-то раздеть адъютанта догола, а свои личные вещи выбросить или в великой спешке где-нибудь сходу зарыть.

Генералы бесславного образца 1937 года вообще были словно наспех ряжены на одну только совсем невеселую свадьбу.

И судя по всему их по-пролетарски праведному духу именно так им, видно, и велела поступать злая судьба: сразу же, не мешкая, праздновать труса.

Как говорить при одном лишь том, так и ноющем в самой глубине их неказисто-серой душонки самом ведь скверном предощущении всякого только лишь еще возможного плена.

29

Ну а маршалы и подавно были людьми в самой так значительной мере безликими и поразительно недалекими — если не считать, быть может, одного лишь только бывшего полковника царской армии Бориса Шапошникова.

И вовсе не случайно в тот самый момент, когда все планы коммунистической экспансии в Европу с грохотом разом рухнули именно в небытие, товарищ Сталин именно его и сделал начальником Генерального штаба.

Правда, нужен он был вождю лишь до тех самых пор, пока звезда удачи снова не начала улыбаться ему своим откровенно волчьим большевистским оскалом.

Все же прочие новоиспеченные и brave пролетарские воеводы до чего неизменно держались на запредельной высоте над теми, как им казалось, немыслимо же простыми солдатами.

И само собой разом понятно, что главное различие между верхами и низами тут состояло вовсе не в каком-то особом превосходстве их интеллекта или менталитета над всею солдатской массой, а лишь в искусственно раздутым статусе этих вовсе беспочвенно же вознесенных на самый верх до чего еще бездарных командармов.

И вот какие именно обоюдоострые, словно клинок, слова о Жукове говорит великий писатель, отдавший все силы достоверному освещению той еще давней военной поры, — Василь Быков, «Долгая дорога домой»:

«Вечером один из больных, артиллерийский капитан, который воевал в составе 1-го Украинского фронта, рассказал, как командующий фронтом Жуков осенью 1943 года ликвидировал немецкий прорыв под Житомиром.

Носился по боевым порядкам частей на своем неизменном «виллисе» в сопровождении бронетранспортера с головорезами-автоматчиками на броне и автомобиля, в котором сидели чины военного трибунала.

Там, где замечал малейшую растерянность или подавленность, приказывал автоматчикам схватить первых же попавшихся под руку солдат или офицеров и расстрелять их на месте.

Из карманов еще теплых трупов трибунальщики доставали документы и оформляли приговор. Что ж, маршал сам никого не убивал и приговоры трибунала не подписывал, а это делали другие — по всем правилам военной юриспруденции.

Великий был маршал!»

Да, уж чего-чего, а этого у Жукова точно вот не отнимешь: именно под его сверхгениальным руководством сколь еще немало бед понатворило то самое чуть, что уж чисто панически удирающее в тыл более чем бесстыдно крикливое начальство.

Причем без его самой так высочайшей санкции никто не смел вовремя подорвать ни один мост.

А потому немецкие танки перли и перли вперед, раз за разом захватывая новые плацдармы, и делали они это почти же тогда беспрепятственно.

Армия тем более гниет с генерала, если тот до коллик в животе боится гнева своего тылового маршала.

30

И если этот бесславный маршал чисто советского образца более чем преступно же медлит с жизненно важным приказом, то и беда тогда пребудет не только на поле боя, а в самой голове всякого более низшего командования.

Причем данный приказ следовало никак уж не просто до чего еще спешно и весьма так горяча разом отдать.

Раз одного лишь того чисто формального распоряжения тут было бы вовсе так совсем еще ничтожно ведь мало.

Главное тут состояло в том, чтобы на редкость немедленно и со всею должной решимостью еще ведь начать его исполнять, дабы врагу с первых же минут был действительно дан тот еще самый молниеносный отпор.

Потому что полное отсутствие трезвого взгляда на вещи губит армию морально задолго до того, как та оказывается, совсем вот разгромлена чисто физически.

Причем это именно тот заносчиво невежественный и чудовищно безграмотный старшина всего того разве что с виду несметного сталинского войска — генерал от большевистской орды Жуков — и поставил армию на колени перед тем противником, который, как оно выяснилось только позднее, вовсе-то не был столь уж всемогущим.

Ну а нацистский агрессор тем временем безо всяческих проволок перерезал и перерезал провода, по которым в войска еще могла бы прийти та резолюция, вполне так ответственно разрешающая им приступить к самой той еще немедленной обороне своих рубежей.

Ну а без нее самое же начало военных действий против массово вторгшегося в страну врага сколь еще неизбежно оказывалось совсем так вовсе нестройным и спонтанным.

Вместо того до чего смело сжатого кулака получались одни лишь вконец раздробленные пальцы.

И даже если какой-то участок и вступал в бой, этот очаг сопротивления враг мог без особого труда попросту обойти и двинуться дальше — в самую глубь страны.

Да и вообще, приводя войска в состояние полной боевой готовности, следовало бы вовсе так не опасаться того, что подобные меры якобы будут обозначать самую так сколь еще только безответственную поддачу на всякие исключительно злобные вражеские провокации.

Напротив, именно ясное и срочное распоряжение, прямо дающее войскам право приступить к защите своих рубежей, и было тогда столь же необходимо войскам, как воздух для дыхания.

А именно потому главные военачальники страны и были обязаны никак не беззвучно и про себя, а до чего конкретно и громогласно, по всем доступным же средствам связи, вполне заранее довести до сведения подчиненных то вот одно: началась настоящая война.

Заявление Молотова явно ведь припоздало.

И было на тот самый момент уж слишком ведь поздно сообщать каждому рядовому, что и впрямь пришло вот время, спешно бежать на склад за винтовками, патронами и гранатами.

Раз к тому времени, может так оно быть, и бежать было уже попросту некуда: склад мог пылать после ковровой бомбардировки под самым должным прикрытием вражеских истребителей.

А до этого тем войскам было до чего еще строго приказано, ни на какие провокации вовсе не поддаваться.

Ну а это значит, без прямого приказа открывать огонь по немцам было уж вовсе никак нельзя.

Иначе говоря, в самые первые часы войны солдатам вообще не позволялось приступить даже и к самому началу хоть сколько-нибудь серьезных оборонительных действий.

Вот и писатель Владимир Карпов, прошедший войну разведчиком, задолго до того, как стал членом ЦК партии, в своей наилучшей книге «Взять живым» приводит такие слова:

«Теперь не допустит, — печально и тихо сказал танкист.

— Раз услышал, что комиссар приказывает, будет стоять до конца.

Подвиг совершает! — танкист истерически засмеялся, тут же заплакал, стал бить кулаками снег и надрывно выкрикивать:

— До каких же пор так будет? До каких? В июне нам не позволили машины вывести: приказ — не поддаваться на провокацию.

И что же? Многие танки сгорели в парке. Вот, смотрите, он тоже не поддается на провокацию, этот дурак!»

А тем временем враг все пер и пер, пожирая своей военной силой все новые и новые квадратные километры советской земли.

И в то же самое время данный сколь и впрямь бесславный герой сталинского романа со всею Краснознаменной армией — маршал Жуков, восседая во главе военной верхушки 22 июня, явно так и дрожа как цуцик, вовсе-то нисколько не смел, отдать войскам тот весьма ведь простой и четкий приказ: открыть по врагу огонь.

А между тем командиры отдельных частей тогда и сами не ведали с полной ведь определенностью, война ли это уже или всего лишь провокация, на которую, согласно веской и строгой директиве начальства, поддаваться не следовало ни под каким вот видом.

И потому положение тех самых первых часов войны действительно было во многом схоже с тем, что Виктор Гюго описал в своей трилогии «Отверженные»:

«Наступала ночь, а с нею вместе смерть; они ожидали этого двойного мрака и, непоколебимые, дали ему себя укутать.

Каждый полк, оторванный от другого, лишенный связи с разбитой наголову армией, умирал одиноко».

И этакое суровое одиночество было для тех до чего только многих, волей не слишком устойчивых людей, как есть ведь фактором сколь откровенно же разлагающим.

Но даже и отдав бойцам четкую и отчетливую, чуть ли не повзводную команду более чем немедленно встать в оборону, никак нельзя было одним этим уж предоставить им то самое время, которое было им вполне необходимо, чтобы весьма достойно и как следует ко всему ведь тому еще на деле так подготовиться.

Да и вообще под тем беспрестанным и прицельным огнем противника никак невозможно было сходу организовать весьма прочную и внятную линию обороны.

Ведь личный состав роты или батальона должен был к нужной минуте оказаться готовым к схватке не на жизнь, а на смерть, а для этого требовалось не одно только мужество, но и хотя бы какое-то время: расчехлить орудия, занять позиции, наладить огонь, привести в порядок боеприпасы.

И все это, опять-таки, приходилось делать под непрерывной бомбежкой.

А при таких обстоятельствах кому-то растеряться было явно так вовсе совсем уж нетрудно.

Ну а если кто из солдат и не запаниковал сразу, да и склад со снарядами и прочими боеприпасами не был треклятыми фашистами полностью уничтожен с воздуха, то есть не оказался он сровнен с землей, — все равно части Вермахта, как не раз было сказано выше, вполне благополучно обходили горячие участки фронта с флангов.

Ну а наши войска, подчас бессмысленно отступавшие в полном разброде и беспорядке, уже никак не могли стать для них хоть сколько-нибудь серьезной помехой.

Более того, немцы зачастую просто и хладнокровно били по ним минометным и артиллерийским огнем откуда-то явно издалека, вовсе не ввязываясь в совершенно им вовсе ненужную лобовую мясорубку.

А как самое прямое следствие этого немецкие танковые дивизии варварски и беспардонно, невзирая ни на какие директивы Ставки, весело и браво двигались в сторону Москвы, где их и могла ожидать победа — кабы, конечно, большевики проявили, куда поболее всего своего беспримерного усердия в сугубо пламенном обезличивании и оболванивании собственного «советского» народа.

32

Да вот, однако, до всего этого так тогда попросту уж никак не дошло.

И все же надо снова и снова то крайне-то важное все-таки как оно есть вполне подчеркнуть главное: та никем непобедимая, как уверяли, Красная армия была фактически вдребезги разбита еще за четыре года до всякого начала войны.

А потому все уж ее дальнейшие и последующие победы были достигнуты разве что так за счет заново выпестованных кадров, к тому же прочно закаленных в огне реальных кровопролитных сражений.

И об этом никак невозможно попросту вот умолчать.

А кроме того в самом еще начале войны почти так никто из большевистских комбригов, ворчливо командовавших войсками, так и не понял той до чего простой вещи: спасти прежде всего надо было армию, а вовсе не территорию.

А между тем уже тогда, на самом первоначальном этапе войны, теоретически подкованные люди вполне так верно оценивали обстановку.

Именно поэтому они настойчиво рекомендовали вождю спешно отводить войска, а не пытаться бить врага давно уже раздробленными пальцами.

Да только сам уж он был именно так себе на уме.

Вся его натура, до самых печенок пропитанная тем еще уголовным ухарством и более чем многолетним бытом революционно-праздничных реалий, неизменно же противилась всякому заблаговременному отводу войск в глубокий тыл.

И это при том, что стон раздираемых фрицами в клочья частей в виде отрывистых и сбивчивых донесений довольно быстро добирался на самый верх всей этой обезличенной, всем тем еще именно так тупым невежеством до чего крепко сбитой краснодиктаторской пирамиды.

Да только вот тому усатому вождю буквально повсюду мерещились заговоры и жестокий обман его личной, никакими чисто житейскими фактами непоколебимой персоны.

33

Ну а если бы те фронтовые события, долгим эхом доносившиеся до самых главных в стране ушей, действительно хоть как-то могли произвести на вождя действительно должное впечатление, то, быть может, многое еще и вправду пошло бы явно ведь вовсе совсем так иначе.

Возможно, тогда он хоть сколько-то вострепнулся и безотлагательно так вполне призадумался о тяжелой судьбе всего своего пролетарского, идеологически подкованного, но по самому существу рабского царства.

Да только товарищ Сталин заботился разве что о достойном облике марксистской идеологии — да и о самом себе в ее светлой тени.

И сама эта строго коммунистическая, кроваво-красная «правда» требовала лишь одного: широких наступлений, а вовсе не тех подлых и безнравственных, с ее крайне так недалекой точки зрения, дальних отступлений.

Да и вообще вся эта чудовищно многоликая, но, по сути, безликая сталинская клика видела войну с одной лишь твердо идеологической точки зрения.

И своего народа ей не было жаль даже и в мыслях.

Переживая только за собственную шкуру, все эти безнадежно серые умом представители власти беспрестанно отдавали изуверски четкие указания: «держаться любой ценой», «городов и деревень врагу не сдавать», и так далее.

При этом само партийное начальство, до чего еще увесисто размахивая кулаками, беззастенчиво драпало в тыл, что, между прочим, моральному духу армии никак не способствовало.

Потому что штабное и партийное начальство, первым удиравшее в тыл, не имело ни малейшего шанса внушить своим солдатам самое сущее явное так бесстрашие.

И все же нечто подобное бывало далеко не везде.

Тот же Клемансо, к примеру, ездил по фронтам и, находясь под прицельным огнем противника, поднимал французов на святую борьбу — тем более что русский фронт, безусловно спасший Париж в 1914 году, к 1917-му уже успел целиком и полностью явно так совсем разложиться.

Вот чего большевики и вправду умели делать вполне профессионально и почти рефлекторно — так это стойко и верно разваливать действующую армию. Ничего иного, на деле хоть сколько-нибудь практически ценного, в их действиях не вовсе так никогда явно наблюдалось.

СССР действительно выиграл войну — но, что называется, вопреки всякой их воле, их стараниям, их апломбу, их логическому анализу и всем их вообще хоть сколько-то грозным умениям.

Потому что никакой победы нельзя было добиться благодаря тому самому насквозь прожженному идеологией, скользкому и осклизлому интеллекту, которым они так до чего еще без всякой меры гордились.

34

Да и чего тут, собственно, можно ведь уж только еще говорить?

Весь тот считай, ведь изначально свободный от любых форм социализма мир должен был бы коленоупреклоненно рукоплескать силе духа народов СССР. Потому что это именно российские штыки уже дважды спасали Европу от неминуемого закабаления под тяжелой пятой грубого немецкого сапога.

Если бы не Российская империя, ставшая непреодолимой преградой на пути германской военной машины, Рейх вполне еще мог бы овладеть всем Евразийским материком — от края и до края.

И тогда эта гигантская территория на сколь еще долгий срок и превратилась бы в его многовековую тевтонскую вотчину.

Российские мечи, а позднее и штыки, не раз спасали Европу от ее могучих врагов: от татаро-монголов, от Османской империи, от наполеоновской Франции, от германского владычества, от страшных пожаров революций.

Ответом же слишком так часто оказывалась одна только черная и крайне непочтительная неблагодарность.

И вот как вполне справедливо пишет об этом Леонид Ляшенко в книге «Александр II, или История трех одиночеств»:

«Каждый раз при крупных внешнеполитических успехах России ее сначала благодарили и превозносили, а затем начинали считать наследницей того тирана, которого она сокрушила. Так было и со Швецией в начале XVIII века, и с Османской империей в конце XVIII — начале XIX веков, и с Наполеоном Бонапартом в 1812—1816 годах».

35

А теперь уж выходит оно так, что и те, кто вроде бы свои, — яростно ратуя за честь собственного, усыпанного звездами мундира, — российское войско на деле чествовать все-то не желают.

И именно поэтому нам, по сути, и следовало бы силой принудить их к этому, а иначе они точно так и далее будут без малейшего стыда цедить и цедить, вполне выражая все то же тупое и злорадно-властное презрение к простому солдату.

Никак не в почете у них грязная, пахнущая разрытой землей окопная правда.

Им непременно нужно так было навести на все сущий глянец показного, заразного, плакатно-графаретного героизма.

А уж если они нацеливаются вилкой на какую-нибудь особенно нужную им территорию, то вот всякую мелкую человеческую жизнь они при этом весьма охотно и надежно скрепляют скрепкой своей собственной умственной лени.

Ну а теперь их прямые потомки лепят и лепят из простого солдата некое весьма малограмотное, простоватое и безнадежно разболтанное пугало. Так мало того — именно в таком виде и выставляют они его перед всем миром на самое всеобщее позорное обозрение.

Совершенно так, не принимая при этом в расчет, что этим они до чего еще немедленно втапывают в пыль ускользающего от нас великого прошлого саму память народов о главном подвиге именно «советских» людей и речь тут идет о должном разгроме навеки проклятого фашизма.

Однако вот на том самом двуличном и глумливом Западе вспоминать обо всем этом нынче все-то никак не принято.

И что же тогда беспрестанно звучит вместо по-настоящему праведного и справедливого освещения одной из самых жестоких эпох в истории человечества?

Все те отчаянные вопли об абсолютной неподготовленности советских войск — кому, собственно, они были на руку?

36

Обо всем этом до того много и весьма проникновенно глаголют разве что лишь потому, что именно так и обстояли собственно дела в той самой как есть еще невероятно суровой военной действительности?

И кто же это во всем этаким безобразии и вправду был вполне по-настоящему виноват?

Неужели тот еще самый российский солдат, отчаянно же храбрый в бою?

А между тем для того по-настоящему грамотного и разумного ведения войны важнее всего был как раз-таки моральный дух воинов, отчаянно сражающихся за свою отчизну.

Но нечто подобное до чего уж неизменно прежде так всего зависело именно от высшего командования, от его мудрости, от его способности до чего еще верно координировать действия самых различных родов войск.

И если это командование безо всякой же оглядки и стыда драпает, а другим велит держаться до последнего снаряда и патрона, то тем самым оно явно вот обрекает боевых командиров на роль капитанов тонущего судна.

А между тем мать природа на всякие разные чертовы хитрости точно ведь никак и близко не пускается.

Ну а, следовательно, каждый корабль вполне еще сможет бороться с волнами, как только сумеет, и его команда будет вольна спасать его всеми ведь ей доступными средствами.

Но это точно ведь так не будет в случае, когда в дело вступает человеческий и самый из всех наиболее разрушительный фактор!

И ведь дело тут само по себе уж как есть фактически ясное те самые вражеские генералы, и впрямь сколь так дальновидно пронюхав о всеобщей советской неразберихе, разумеется, сделали все, чтобы с самой наибольшей выгодой именно ею до чего так сходу затем и воспользоваться в своих собственных интересах.

Нацистские военачальники вполне были способны на целый шаг вперед предугадать плачевные последствия всего того безбожного хаоса, а потому и до чего еще верно оценить всякие свои возможности для его только лишь дальнейшего усиления.

И в конечном вот счете получилось нечто вроде каши из топора: коммунистическая партия сама как есть, во многом снабдила Гитлера всем необходимым для его самой скорой победы над вроде бы «своим», но, в сущности, всегда так сколь еще глубоко же чужим ей народом.

37

Советская власть весьма долго и тщательно готовила собственное вторжение в Западную Европу, для чего она и свалила у недавно возникших западных границ самые несусветные горы оружия и всяческой прочей военной амуниции.

А тут на дружеский огонек и заглянул немецкий ефрейтор, да и сунул в наш котелок свой на редкость остро отточенный топор.

И именно тогда партия разом, по-хозяйски сколь щедро и выложила на стол все те до чего нужные компоненты для его будущего вполне удачливого продвижения вглубь советской территории.

А кто вообще мог ожидать от нее подобного весьма радушного гостеприимства?

Причем гитлеровским войскам точно уж никак не следовало и впрямь-то сходу ведь прикладывать ко всему тому столь исключительно много весьма дружных совместных усилий.

Поскольку им куда лучше было бы вступать в бой с некоторой явной ленцой и тогда вместо гор покореженного металлолома им бы досталось гораздо больше всего того для них крайне полезного и важного.

Да только откуда уж вообще было немцам собственно знать насколько тяжеловесной в принятии здравых и последовательных решений оказалась эта самая мнимо всесильная бюро-

кратическая система, до того твердолюбо убежденная в своей собственной яркой победоносности.

А как раз потому все то, что было ею весьма так заблаговременно и с самым же гигантским размахом накоплено про запас, вполне могло безо всяких особых потерь разом достаться именно вермахту, а еще и почти сколь неотъемлемо так целиком.

А из всего того само собой следовало и нечто вовсе-то совсем уж другое: немцам никак не стоило устраивать ковровые бомбардировки всего того, что еще могло послужить их дальнейшим победам.

И ведь надо было им вовсе-то никак недосчитаться стольких единиц исключительно добротной военной техники и главное именно из-за собственной, прямо уж скажем, чересчур так весьма опрометчивой поспешности.

Однако едва ли, что кто-либо из верхушки гитлеровского командования в самой полной мере тогда осознавал всю ту истинную степень самой абсолютной неподготовленности советского руководства ко всему тому лишь только последующему, действительно ошеломительному фашистскому удару.

Но и без всех тех вдребезги разбитых и разорванных в клочья вооружений фрицам всякого воинского добра досталось, как говорится, в самом так до чего еще только полном избытке.

И те советские танки, что были в спешке брошены в кюветах после мелкой поломки или попросту вот остались совсем без горючего, немцы, недолго думая, затем перекрашивали и сходу бросали в лобовые атаки — уже за свое как есть еще пресловутое немецкое жизненное пространство.

38

Причем той наиболее главной первопричиной всему этому как раз и стало то, что в качестве самой так весьма надежной боевой тактики всеми этими штабными деспотами и бездариями повсеместно применялось в сущности одно и то же: слепое выпроваживание лютого нацистского зверя обратно в его берлогу.

И полная несостоятельность этого примитивнейшего политического лозунга — «Ни пяди родной земли» — была тогда чисто ведь налицо, вместе со всей его ничем уж явно не отмываемой кровавой изнанкой.

И все — это разве что для придания ему вполне приличного внешнего вида было, как есть разве что чисто так внешне кое-как крайне же неряшливо прикрыто одной ведь той слащаво-зловещей агитацией.

А между тем во время всякой войны маневрирование войсками явно же составляет самую неотъемлемую часть боевых действий буквально на любом уровне более-менее профессионального ими управления.

Ну а тупо идти вперед и только вперед — это уж все равно, что на той еще обычной дороге до чего слепо проигнорировать все те встречные светофоры.

Кому-то, может быть, и посчастливится проскочить целым, но подавляющее большинство непременно передавят: кого насмерть, а кто останется искалеченным на всю свою дальнейшую жизнь.

Советская военная доктрина все те светофоры на своем комиссарском пути раз за разом попросту ведь никак так совсем не заметила.

А все это именно потому, что ей было совсем уж никак вовсе не до того.

Она, вся уж помидорно-красная от немыслимой натуги, только и старалась до чего сходу выдавить все чужеродное из всего, что тогда только еще оставалось где-то вокруг.

Точно так же — это можно сравнить и с самым так никак не в меру чересчур поспешным переходом реки вброд.

Немыслимо широкая река солдатской крови явно отделяла дальний берег победы от тех руководителей СССР, которые были в ней, пожалуй, вот кровно же на редкость заинтересованы.

Но того единственного брода, то есть именно того самого места, где было бы хоть сколько-нибудь весьма ведь поменее глубоко, они и в серых мыслях своих даже и не пытались хоть сколько-то на деле вполне еще изыскать.

А потому те чудовищно трудные решения, чреватые обильной кровью, давались им до чего еще на удивление просто и легко.

А между тем вся эта праздничная самоуверенность стоила народам СССР целых миллионов вовсе бесцельно и напрасно загубленных жизней.

Во время всех тех немыслимо авральных выступлений сугубо вперед и только вперед советская власть должна была почти ведь стихийно, наперекор всему, разом создать тот более чем наглядно видимый перевес на каком-нибудь весьма так узком участке фронта.

А дальше — все бегом, в слепую атаку.

И тогда та самая лютая, безликая смерть косила народ уж безо всякого так вообще разбора и здравого смысла.

И это именно того наиболее так мордастого и отчаянно смелого в подобной тактике ведения войны теперь уж чуть ли ведь не возводят в ранг святого Георгия Победоносца.

39

Ну да это совсем не то, что сделал генерал армии Ватутин, который надо же, вполне вот «безответственно» додумался без боя сдать только что отвоеванный у врага Житомир — после долгой перепалки со Ставкой.

Нет, подобным людям у нас героями после войны прилюдно уж точно никак не слыть.

И, кстати, по всей на то видимости, так и останется до конца времен вовсе так совсем неизвестным, почему это именно он так и не дожил до общей и славной победы.

А между тем Житомир Ватутин сдал лишь затем, дабы всеми теми освободившимися при этом силами наглухо прикрыть жизненно важные подступы к Киеву.

Потому что не сдай он тогда относительно небольшой Житомир, ему пришлось бы, затем вторично отбивать у Манштейна уж сам тот Киев, мать городов русских.

И делалось бы это, как оно водится, именно во всеоружии марксистского мировоззрения, тот есть при самом том самом так вовсе ведь запредельном напряжении тугих мышц народных масс.

А это, само собой, кое-что вполне конкретное явно так и впрямь сходу же подразумевало.

То есть само так собою тут еще подразумевалось безоглядно, бездумно и обезличенно давить фашиста одной лишь разве что всемогущей живой силой.

И подумаешь, какие-то там двести тысяч жизней, отданных всего лишь затем, чтобы весьма так расторопно поспеть к светлому празднику 7 ноября.

Это же, еще выходит, совсем так сущий пустяк.

40

Ну а надумай Ватутин почти зазря совсем бестолково положить в ту еще не до конца оттаявшую украинскую землю четыреста тысяч солдатских жизней — лишь бы Киев был вновь взят ко дню рождения Ильича, — и главное все это исключительно затем, чтобы оставить о себе на долгие века более или менее доброе имя...

И это тогда, ясное дело, он и мог бы вдоволь купаться в лучах никогда не меркнувшей боевой славы.

И, быть может, при подобном раскладе Ватутин даже вот получил бы право — пусть и издали, но вполне еще оказаться поставленным в один ряд с наиболее заглавным героем войны, штабным полководцем Жуковым.

Хотя и это, впрочем, более чем весьма так навряд ли.

А этот самый великий сталинский стратег подо Ржевом наворотил дел и тел самое же неисчислимое множество — да только самого города тогда так и не взял.

Да и вообще Жуков, в некотором стратегическом смысле, был не более чем жутким сталинским пугалом в армейском огороде: в его задачи неизменно входило быть тем самым вороном, который, налетая сверху, надменно и без счета выклеывает людям глаза.

Матерный координатор действий фронтов, он собственной черной души вовсе так никогда не жалел и мостил свой путь к победе делами, вполне ведь достойными не Георгия Победоносца, а скорее Георгия Черепотворца.

41

Город Ржев высший жандарм Красной армии Жуков так и не освободил от тех еще проклятых оккупантов, а разве что безо всякой на то пользы залил все подступы к нему ручьями и реками вовсе-то напрасной солдатской крови.

Немецкие части, в конце концов, попросту сами оставили город: угроза неминуемого окружения их нисколько так совсем не прельщала.

Причем подлинные данные о тогдашних потерях были, затем во много раз весьма произвольно занижены.

А все, потому что по-настоящему убийственные цифры, выражающие реальную правду о безвозвратной убыли людской силы, и составляют одну из главных тайн, хранимых в архивах за семью печатями.

И если бы немецкие военачальники явно обладали столь же суровой закалкой и вполне ведь являлись самозваными выходцами из точно того простонародья, то как-никак, а более чем, возможно, и они вот швырялись тогда своими людьми столь же яростно и безоглядно.

Но немцы своих солдат за спички в коробке все же точно никак так и близко никогда не считали.

А чисто потому и не пожелали они до последнего же остатка сил, весьма так изнурительно и бессмысленно, сражаться за Ржев.

А тот самый чересчур уж неустойчивый сталинский стратег Жуков мог бы и далее совсем ведь зазря ломать копья на подступах к городу.

Однако в данном конкретном случае высшее нацистское политическое руководство в ход войны явно никак уж совсем так не вмешивалось.

Раз им, по сути, было до чего еще вовсе так наплевать на Ржев, поскольку тот никак никогда не был переименован в честь бессменного вождя коммунистической партии.

Да и советские войска еще тогда явно вот не стояли на подступах к самым вратам Рейха, как это случилось в куда более поздние времена — во время той по-настоящему достославной операции «Багратион», проведенной подлинным гением той войны, Константином Константиновичем Рокоссовским.

Но обо всем этом — несколько позже.

42

Доблестный полководец Жуков, по сути, вообще никогда не освобождал никаких городов.

Этот сталинский молот в армии до чего рьяно трудился на одной той единственной, чисто так исконной своей ниве — на самом ведь беспрестанном и неистощимом истреблении недисциплинированности и расхлябанности.

Все остальное данного «гениального стратега» волновало уж достаточно ведь вовсе так мало — если волновало хоть как-либо вообще.

Ему еще изначально нужно было не само по себе продвижение к победе, а одна лишь та самая безупречно правильная сформированность всех армейских рядов.

По его весьма «доблестным» представлениям, в армии должен был царить железный порядок, а вовсе не сентиментальная слякотность всяческих довольно пространных интеллигентских рассуждений.

А ведь между тем Ржев явно не был той еще самой неприступной твердыней.

Его попросту никак так нельзя было брать тупо и наобум.

Но «великий» маршал Жуков и впрямь был тем еще весьма расторопным и доблестным вертухом при том единственном во всем СССР совсем неизменно же незаменимом начальнике тюрьмы народов.

Строить воинственные рожи и расстреливать, расстреливать и расстреливать всех, кто так сходу ему разом не подчинился, было для него делом довольно же житейским и привычным.

Он был безжалостным палачом и главарем команды палачей.

Тот Ржев явно оказался лишь одним из выдающихся этапов всей его военной палачеграфии.

Военной силой и твердой тактикой ума взять этот город ему было точно никак ведь не по зубам.

Зато уж жителей окрестных деревень он от всякой дальнейшей судьбы вполне так еще разом избавил без счета, почти поголовно «освободив» их от всякой дальнейшей жизни.

Деревни те брали, раз за разом и потом снова их отдавали.

А мирному населению, куда было деваться от всех тех пуль и снарядов, что летели через их головы во фрицев?

43

Да только разве уж была на деле важна великим стратегам из Генштаба чья-либо вовсе так напрасная смерть — или чья-либо жизнь без рук, без ног?

Для них ведь как-никак тогда существовало одно-единственное главное: всякое свое безумно браво наступление непременно так еще подгадать под какую-нибудь светлую дату.

И с этим явно еще следовало поспеть буквально любой ценой — а то, не дай только Бог, товарищ Сталин сильно и недобро же опечалится.

Вот он, тот светлый праздник 7 ноября, а Киев, мать городов русских, все еще не взят и раз и навсегда не освобожден от тех до чего только проклятых нацистских полчищ.

А между тем именно на чужой земле противник явно ведь и сумел же создать ту исключительно так безупречно прочную линию обороны, и выбить его оттуда было задачей крайне так весьма ведь совсем необычайно тяжелой.

Причем именно тем наиболее главным и вовсе непреодолимым препятствием оставалось разве что то одно: все снова и снова пытались брать чисто нахрапом, наобум и фактически любой ценой.

И любой здравый ум при таком порядке вещей можно было проявлять разве что украдкой, с самой постоянной оглядкой на тех, кому он был чисто органически ненавистен.

Эти маршалы были конниками и каннибалами, строившими все свои доблестные победы на одних лишь костях собственного народа.

44

И больше всего похоже как раз на то, что всевластный хозяин жаловал своим генералам высшие звания вовсе не за фрицев, убитых ими на войне, а за другое — за преданность, за безжалостность и за совершенно слепую готовность без конца обескровливать свой собственный народ.

Маршалом у него становился не тот, кто берег людей, а тот, кто, не щадя ничьей жизни, не единожды поспособствовал посредством войны существованию своего народа — включая и грузин.

И никак так вовсе не стоит же забывать, кем по национальности был герой войны 1812 года Багратион.

А тот пресловутый гений Жуков и есть наиболее естественный символ советской армии: человек, не считавший людей даже за винтики, а разве что за полностью взаимозаменяемые боевые единицы.

Да еще и таковым, которым и впрямь вполне еще сколь явно надлежало гордиться уже только тем, что по самой их должности всем сколь неукоснительно как-никак, а было положено умереть, но все равно не дать ни пути, ни броду подлому и внезапно осмелевшему «вероломному» врагу.

45

Ну а тем еще напыщенным вражеским генералам, что и вправду были вполне настоящими знатоками военного дела, все это было исключительно на руку.

А, следовательно, они безо всякой излишней словесной трескотни попросту разом рассекали советские воинские соединения и били их с боков, отрезая их от всего на свете, а значит, и лишая их буквально всякой хоть сколько-то возможной активной боеспособности.

И до чего на редкость плохо доведется всем тем бравым военным, над которыми сверху всевластно восседает всласть обрюзгшая от осатанело тупого безделья чисто же политическая задница.

Нет, конечно, есть и над нею, пусть и вконец угоревшая от самых бесконечных и бесчисленных каждодневных фимиамов довольно-таки мудрая голова, однако в целом командует обстановкой слезливая и трусливая псевдогероическая истерия...

Вот только бы тех отступивших безо всякого спросу на том самом месте сходу без всякого разбора расстреливать, дабы душу свою черную хоть сколько-то смело и воинственно, и впрямь бы еще на деле так отвести...

46

И главное — вполне естественно, что все те трусы и доносчики, вставшие во главе армии после ее страшной и великой чистки, были с политическим начальством на самой короткой ноге и по-прежнему держали в руке все тот же, еще с революции сколь многое решавший и имеющей свое самое последнее слово товарищ маузер.

И, надо сказать, что пускали его в ход эти люди довольно же нередко — твердой рукой, самодовольно и без всяких колебаний, так ведь и сваливая при этом на кого угодно другого всякое свое исключительно безмозглое головотяпство.

Собственную же тупость они вполне так умудрялись считать чуть ли не наиболее главным и подлинным большевистским достоинством.

А вот и тот самый наглядный, как и принципиально важный пример.

И будь это некий единичный случай, в книгу большого писателя он бы, конечно, тогда никак не попал.

Виктор Астафьев, «Прокляты и убиты», книга первая:

«Танки те заскребены были, собраны по фронту, большинство машин чинены-перечинены, со свежими сизыми швами сварки, с царапинами и выбоинами на броне, с хлябающими гусеницами, которые, буксуя в болотной жиже и в торфе, посваливались, две машины оставались и после ремонта с заклиненными башнями. Танкисты, через силу бодрясь, заверяли пехоту: зато, мол, боекомплект полный, танк может быть использован как вкопанное в землю забронированное орудие.

Но с ними, с танкистами и с танками, никто не хотел сражаться, их били, жгли с неба. Когда черным дымом выстелило чахло заросшую пойму и в горящих машинах начал рваться этот самый полный боекомплект, вдоль речки донесло не только сажу и дым, но и крики заживо сгорающих людей.

Часть уцелевших экипажей вместе с пехотой бросились через осеннюю речку вплавь. Многие утонули, а тех, что добрались до берега, разгневавшийся командир полка или бригады, одетый в новый черный комбинезон, расстреливал лично из пистолета, зло сверкая глазами, брызгая слюной. Пьяный до полусмерти, он кричал:

«Изменники! Суки! Труссы!» — и палил, палил, едва успевая менять обоймы, которые ему подсовывали холуи, тоже готовые праведно презирать и стрелять всех отступающих.

И вообще, за речкой обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими собратьями по фронту, гораздо больше, чем на противоположном берегу боеспособных людей».

Труссы — они и есть до чего только подлые хитрецы.

И именно из-за их безмерно панического страха кадровая армия, вся в струпьях ранений и контузий, в самом начале войны попросту разом увязла, как в гиблом болоте.

И тем вовсе не типичным, а скорее самым так исключительным случаем была именно та, сколь еще внезапно далее уж следовавшая в книге, гибель самих вот тех еще тупомордых карателей.

Но есть ведь тут и нечто другое: самая отъявленная и преступная безответственность тех, кто отправлял танки в бой без прикрытия с воздуха или хотя бы без всякого сопровождения зенитной артиллерии — вперед и с песней, словно на парад, а не на смерть.

Потому что любой, даже самый современный танк для воздушного противника — все равно, что таракан под тяжелой подошвой.

И у таракана, пожалуй, шансов порой, куда так значительно больше.

47

Да, конечно, дело тут будто бы полностью ясное: смелость есть смелость, и пуля храброго боится.

Да может, пожалуй, и боится, когда ружье кремневое, его вот пока еще заново перезарядишь.

Ну а когда у немцев в пулемете MG-42 лента на двести пятьдесят патронов, тут уже явно так следовало панически бояться совсем другого — бессмысленных массовых атак, да еще и по несколько раз на день.

И новая лента в это чудо немецкой техники вставлялась почти мгновенно.

Не успеешь оглянуться — а он уже снова строчит и косит наших людей, словно колхозник сено.

Да и перегрева, как «Максим», он почти не боялся.

И потому на одного такого пулеметчика в день боя порой приходились сотни и сотни советских жизней.

И это вовсе никак не выглядит каким-либо явным преувеличением.

48

И как раз именно тут сам собой, с самого исподнего дна души, и возникает тот вполне законный вопрос:

зачем это тупомордые воители, дрожа от ярости в случае самых малейших возражений со стороны младших командиров, до чего еще безостановочно и слепо бросали наших солдат не в бой, а на убой?

И к чему это вообще могло бы еще привести данное сколь ведь безнадежно яростное самоуничтожение, если бы не те сколь так уж непомерно огромные человеческие ресурсы всей той совершенно так необъятной страны?

Да только, как оно ни горько, а именно таково и было свойство почти уж всякого начальственного страха.

И вот он тот совершенно так вымышленный автором диалог, но при этом он вполне так выдержан именно в духе тех вовсе так умопомрачительно мрачных времен:

— Ты чего не воюешь?

— Как это не воюю?

У меня каждые два часа новые атаки.

— А взять почему до сих пор ничего не можешь?

— Так людей у меня мало, товарищ полковник.

— Лишних нет! Придется атаковать теми силами, что у тебя есть.

А там дальше уж поглядим — может, еще где-нибудь наскребем свежие резервы.

И вот это и есть наиболее типичнейший разговор двух «талантливых» в одной лишь до чего бескрайне суровой бесслезности горе-стратегов сталинской эпохи.

О, как же они явно так совсем не любили всякую «напрасную» трепотню — тех, кто думал, а не только юлил и соображал, стараясь как можно лучше набить себе руку на тупой, лихой и крайне бесноватой жестокости.

У большей части высшего командования было тогда уже совсем новое лицо — не просто пролетарское, а именно твердокаменное, истуканское и сколь еще чудовищно невежественное.

И все это именно потому, что те, кто слишком много язви́л и умничал, давно уже отбывали свои длинные сроки по разным лагерям.

А у этих коньячных вояк оставалась в наличии лишь одна та на всех лютая храбрость: чужими жизнями смело одолевая жизнелюбивого врага, надрывая легкие, до чего бешено лая в телефонную трубку.

Причем да, без вполне общеизвестной адской твердости боевой командир и впрямь превращается в сущую размазню.

Но уж без всякого конца и края раздавливать в пыль собственные войска способны были только нелюди, вовсе не считающие своих бойцов за живых существ.

Нет, держали эти тупорылые держиморды своих солдат разве что лишь за наличные средства, которые пока еще имеются у них на руках.

А если такие средства для ведения войны у тебя явно вот ныне в наличии, их и следует без всякого удержу тратить во имя защиты исконных рубежей всего своего многовекового владычества.

49

А впрочем, быть может, в глубокой древности сам по себе человеческий фактор и впрямь-таки решал сколь так еще ведь действительно многое.

Однако в условиях современной войны слишком уж многое определяется не одной только самой так отчаянной солдатской храбростью, а прежде всего здравым умением вовремя принять взвешенное, продуманное и подчас так сколь единственно верное решение.

Потому что теперь события явно вот развиваются буквально же лавинообразно, почти уж не поддаваясь при этом никакому весьма медлительному расчету, а чисто потому и до чего стремительно сколь вырываются они из-под всякого контроля.

Никогда уж прежде вовсе ведь пока не бывало этакой маневренности войск, а также столь беспрецедентной их подвижности, ну а кроме того подчас и самой ведь неотвратимо смертоносной их молниеносности.

И уж в начале той ныне далекой войны главную работу выполняли именно авиация и танковые клинья, тогда как пехота могла и несколько подотстать.

Потому что в ее задачи чаще всего входило только одно — немилосердно добивать окруженные и уже полностью деморализованные части Красной армии.

И, вполне ведь возможно, что кому-то и по сей день до чего еще искренне кажется, будто на российской земле всякого агрессора неизбежно так ждет вовсе так совсем самое уж неминуемое поражение.

Будто стоит лишь весьма тупо и неумоимо навалиться на вероломного врага, наскоро обескровить его силы — и победа сама собой окажется у нас в руках.

А для всего того, мол, достаточно будет воспользоваться подавляющим преимуществом в людской силе, и впрямь вот сколь же браво вооружившись безукоризненной бескомпромиссностью и чужой, безыскусно подневольной храбростью.

50

Товарищ Сталин тот был большим ученым именно в такого рода «отчаянно бравых» делах — то есть именно в деле чудовищно безоговорочного принуждения ко всевозможным «чудесам» за счет совершенно же бездумного, бессмысленного и обескровливающего армию солдатского бесстрашия.

И главное вот ведь какую телеграмму он отбил во время Кронштадтского восстания в марте 1921 года:

«Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку.

Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных.

Считаю своим долгом заявить, что я впредь буду действовать, таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой.

Сталин».

51

Да только столь на редкость беспримерно же «хорошо» подобного рода операция может пройти разве что в том одном разве что случае, а именно если, и глазом не дрогнув, совсем бездумно посылать на верную смерть многих и многих людей — на своей собственной территории.

Раз уж она отныне была до чего еще надежно приватизирована одним лишь весьма строгим большевистским здравым смыслом.

И потому в ходе таковой отдельной и крайне ограниченной карательной акции можно было и не такое еще провернуть — пусть и не славно, а, куда вернее, бесславно и сколь отчаянно так жестокосердно.

И для всего этого требовалось разве что лишь то одно: немедленно стать совершенно же всевластно во многом бесчеловечным.

Да только попробуй осуществить нечто подобное как раз вот тогда, когда на тебя всюю силой издалека прет вовсе не беспомощная толпа, а вполне до конца безупречно умелая во всяком уж военном отношении вражеская армия.

А главное еще и такая, что ведь будет еще на деле способна быстро и точно разом взаимодействовать промеж всех своих самых различных родов войск.

«Все равно одолеем, наше дело правое, победа будет за нами».

И за ценой, ясное дело, мы точно не постоим.

Да только цена эта — не один тот пот и кровь, но еще и самое пустое разбазаривание всего подряд.

Причем фраза фронтовика-сапера Зиновия Гердта — «У храбрости ума мало» — сказанная им в фильме «Место встречи изменить нельзя», очень точно передает все безумие этой слепой самодостаточности, доверху переполненной убежденностью в самой уж неизбежной победе над всяким нацистским врагом.

Однако та самая чисто штабная храбрость — это совсем не то, что самоотверженность воина, действительно готового отдать свою маленькую жизнь во имя чего-либо значительно большего, чем он сам.

Ну а весь тот нескончаемый поток брани, изливавшийся из уст высокопоставленных ослов, как раз и выдавал с головой людей, у которых никогда не было хоть сколько-то иной задачи, кроме той одной: гнать и гнать массы на врага, используя их в самом откровенном качестве лишь слегка сдерживающей его смазки для выставленных вперед штыков.

Всякая иная тактика ведения войны потребовала бы самого еще явственного напряжения мозговых извилин.

Ну а нечто подобное и представить было попросту так никак невозможно, покуда Россией правили все те же господа товарищи.

Причем подобные людишки, оставаясь по всей своей сути гражданскими лицами, а не полководцами — пусть даже и при погонах, — в конечном счете, всегда проигрывали сражения, несмотря на все кажущиеся значительными временные свои успехи.

Знаменитый Пирр четырежды в пух и прах разбивал римское войско.

Но именно после той самой своей четвертой победы он, во весь наверняка же сорванный громкими командами голос, пребывая в полном отчаянии воскликнул:

«Еще одна такая победа — и у меня не останется армии».

И вот этот крик смертельно раненой воинственной души и может послужить наиболее явным историческим примером того, чего военачальнику делать уж явно никак не следует.

Ну а в качестве людей весьма так небольшого военного чина натуры подобного склада разве что только уж себя и других до чего бездарно губили — совершенно попусту и без всякой пользы для ратного дела.

Так уж еще издревле оно бывало: слишком храбрые долго не живут.

По-настоящему храбрый воин — это тот, кто в самом пекле сражения головы точно уж никогда не теряет.

А храбрецы, пытающиеся одолеть врага одним нахрапом, как правило, только лишь и удобряют и без того весьма обильно окропленную кровью землю собственными бранными телами.

52

И главное именно в эти новые, «славные и добрые» времена и возник тот бесновато воинственный класс храбрецов, которые сами под пули никогда не полезут, зато сколь еще многих других с самым так как есть откровенным упрямством и безо всякого счета они до чего еще самозабвенно разом ведь и погонят под их самый уж ужасающий свист.

И при этом они весьма ответственно корчат геройские рожи, а всякого, кто на редкость опрометчиво вздумает их вразумлять, почти неминуемо ждут либо трибунал, либо та самая безымянная общая могила.

Но коли вполне беспристрастно повернуться к лику подлинных героев прошлого, то сразу вот и окажется: не бросаться на врага с ходу, а выжидать более удобного часа — вовсе не трусость, а военная хитрость и гуманизм по отношению к тем солдатам, которых дома ждут их родные и близкие.

Родину никак ведь нельзя было защищать с таким исступлением, чтобы при этом разве что сколь обильно же оросить кровью ее сынов леса и поля.

А для чего тогда были большие и малые реки?

И стоило ли останавливать немцев не теми самыми естественными и куда как есть точно гораздо поболее грозными водными преградами, а главным образом тем, что с виду казалось попросту вовсе же неисчерпаемым, — людскими ресурсами?

53

А между тем тех настоящих людей — а таких в России всегда было немало и впрямь еще следовало беречь не на словах, а на деле, всеми силами стараясь спасти их от той до чего верной и бессмысленной смерти, а столь старательно не подбрасывать их в огонь, словно щепки.

Пусть лучше пришлые недругидохнут, словно мухи от бескормицы, как это уже бывало во времена Наполеона.

Ну а своих надо же было беречь как зеницу ока — ради будущих побед, а если потребует, то и ради грядущих поражений.

Кутузов, к примеру, своих по мере сил действительно берег.

Вот чего пишет о нем Лев Толстой в романе «Война и мир»:

«Кутузов один все силы свои (силы эти очень невелики у каждого главнокомандующего) употреблял на то, чтобы противодействовать наступлению. Он не мог им сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение, и загораживание дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добивание несчастных? Зачем все это, когда от Москвы до Вязьмы без сражения растаяла одна треть этого войска? Но он говорил им, выводя из своей старческой мудрости, то, что они могли бы понять — он говорил им про золотой мост, и они смеялись над ним, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились над убитым зверем. Под Вязьмой Ермолов, Милорадович, Платов и другие находясь в близости от французов, не могли воздержаться от желания отрезать и опрокинуть два французские корпуса. Кутузову, извещая его о своем намерении, они прислали в конверте вместо донесения лист белой бумаги. И сколько ни старался Кутузов удержать войска, войска наши атаквали, стараясь загородить дорогу. Пехотные полки, как рассказывают, с музыкой и барабанным боем ходили в атаку и побили и потеряли тысячи людей. Но отрезать — никого не отрезали и не опрокинули. И французское войско, стянувшись крепче от опасности, продолжало, равномерно тая, все тот же свой гибельный путь к Смоленску».

54

Ну а в те самые крайне трудные времена всеобщего же горя, в самом-то начале Второй мировой войны, роль и ног под собой явно так не чующего Наполеона, с самым величай-

шим прискорбием, исполнила почти вся та не в меру языкаястая, но при всем том совершенно немощная умом советская номенклатура.

Все ее чересчур отчаянно бравые (на своем укромном месте), исключительно уж щедрые на слово деятели были столь обильно одарены званиями и привилегиями, что, в отличие от всего остального народа, они буквально-то купались в своем, с той еще весьма красочной этикеткой, коричневом шоколаде.

Причем состояла вся эта, считай на редкость серая умом масса и прежде-то всего как раз во многом именно благодаря сталинским чисткам — из самой что ни на есть отборной, тщательно выпестованной и вышколенной сволочи.

А она у любого народа почти всегда так, считай на одно лицо.

Тем более, что тогдашняя советская власть вообще была бесподобно интернациональна.

И потому любые беспочвенные обвинения в русофобии здесь попросту смешны, если не сказать, совсем так абсолютно абсурдны.

И вот эта в одно мирное время крайне воинственная братия от всей своей «отчаянной храбрости» столь бодро тикала, да еще и с той поспешностью, что иной раз, и такое бывало, приехавшую издалека машину потом приходилось долго и тщательно отмывать: господа товарищи были никак не в том состоянии, чтобы хоть на минуту отойти куда-то в кусты.

А когда по-настоящему прижмет, всякое еще может случиться.

Причем при всех этих своих сугубо «личных достоинствах» новоявленные приспособленцы, до чего еще верно выпестованные в лоне большевистской партии уже после ее самой тщательной очистки почти от всего первоначального состава на том еще судьбоносном перепутье мрачных и злосчастных тридцатых годов, довольно быстро затем уж оправились.

Это вот разве что поначалу они и впрямь на редкость обделались от дикого страха.

Ну а затем, в конце концов, эти людишки как есть уж все-таки на деле оправились.

А именно тогда они и начали сколь еще бесцеремонно расстреливать и расстреливать боевых офицеров — за настоящие или мнимые их просчеты, подчас для одной отчетности, весьма злонамеренно выдуманные самими же чекистами почти на том совсем пустом месте.

55

И главное: в свете тех самых сколь на редкость апофеозных и официальных прожекторов все — это и поныне выглядит совсем ведь иначе — то есть, как всегда, уж только разве что явно по-ихнему.

А именно для того и существует слащаво лживая, сугубо официальная версия истории: чтобы все когда-либо бывшее раз за разом преобразовывать в некие иные, крайне удобные для нее тона, подменяя живую правду ее парадным подобием.

А между тем Лев Толстой в «Войне и мире» на редкость наглядно показывает, чем это именно занималась история уже в его-то родное время.

А она между тем до чего бессмысленно наводила на все ушедшее в былое и славное прошлое именно тот изумительно блестящий глянец.

А делалось — это именно затем, дабы вся та некогда совсем ведь опостылевшая, чудовищно несветлая обыденность прошлого в глазах грядущих поколений и вправду на деле затем выглядела, куда только поярче, величавее и многокрасочнее.

Потому как вовсе ведь нельзя было допустить и самой мысли о создании в человеческом сознании исключительно выпуклых образов, связанных не с гипергероизацией, а с той самой совсем так исключительно вовсе же невзрачно-мрачной серостью безликих будней.

А между тем всякое доподлинное мужество вовсе не заключено в бешеном и показном энтузиазме.

Оно крайне малоприметно, скромно и до чего только редко бывает более чем безупречно же вполне наглядно эффектным.

Но именно этого кое-кому уж точно и близко ведь явно совсем не хотелось, а именно хоть как-то освещать войну в свете ее вовсе так сурово неприглядной и по-настоящему правдивой действительности.

Нет, прежде уж всего явно требовалось всеми теми самыми светлыми красками разом еще засвидетельствовать исключительно так хлесткое и восторженное очарование совсем так навсегда ныне канувшей в лету эпохи.

И вот какие только удивительно точные слова говорит обо всем этом Лев Толстой в его романе Война и мир:

«В то время как Россия была до половины завоевана, и жители Москвы бежали в дальние губернии, и ополчение за ополчением поднималось на защиту отечества, невольно представляется нам, не жившим в то время, что все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество или плакать над его гибелью. Рассказы, описания того времени все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянии, горе и геройстве русских. В действительности же, это так не было. Нам кажется это так только потому, что мы видим из прошедшего один общий исторический интерес того времени и не видим всех тех личных, человеческих интересов, которые были у людей того времени. А между тем, в действительности, те личные интересы настоящего до такой степени значительнее общих интересов, что из-за них никогда не чувствуется (вовсе не заметен даже) интерес общий. Большая часть людей того времени не обращала никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего.

И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени. Те же, которые пытались понять общий ход дел и с самопожертвованием и геройством хотели участвовать в нем, были самые бесполезные члены общества; они видели все наизусть, и все, что они делали для пользы, оказывалось бесполезным вздором, как полки Пьера, Мамонтова, грабившие русские деревни, как корпия, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненых, и т. п. Даже те, которые, любя поумничать и выразить свои чувства, толковали о настоящем положении России, невольно носили в речах своих отпечаток или притворства и лжи, или бесполезного осуждения и злобы на людей, обвиняемых за то, в чем никто не мог быть виноват».

56

Однако тех на редкость обезличенно и бестолково виноватых мы ведь безо всякого особого труда сколь еще разом вот на деле отыщем.

И прежде ведь всего такими — за все от начала и до конца виноватыми при этом окажутся именно простые солдаты, у которых явно зачастую вся сила великого духа и была наиболее главной оборонительной и наступательной мощью.

Причем сила эта нередко оказывалась куда поважнее всяческой военной амуниции.

И именно об этом граждане советские историки давно уже прожужжали нам все уши, без конца и на все лады вальяжно вещая одно и то же: армия-де у нас была слабая, плохо обученная, крайне недисциплинированная.

А между тем, чтобы до чего немедленно и решительно перейти в контратаку, действительно сколь еще явно необходимы как неумолимая воля командиров, так и железная дисциплина солдат.

Да только откуда же было взяться всему этому у армии, которую враг в единый миг уделал в хвост и в гриву?

57

А между тем той армии вполне еще следовало бы сразу ведь отойти назад, постепенно и без лишней горячки всячески перегруппироваться. Но нечто подобное оказалось бы совсем так вовсе никак не по-советски.

Ибо подобные вещи в те времена почти неизменно рассматривались совсем не иначе как до чего уж весьма сколь еще откровенное паникерство.

Причем ничто, как говорится, не ново под луной.

И вот как ярко живописует Лев Толстой в «Войне и мире» события, во многом весьма сходные по самому духу с тем, что затем не раз повторялось и в куда только более поздние времена:

«И об этом-то периоде кампании, когда войска без сапог и шуб, с неполным провиантом, без водки по месяцам ночуют в снегу и при пятнадцати градусах мороза; когда дня только семь и восемь часов, а остальное ночь, во время которой не может быть влияния дисциплины; когда, не так, как в сражение, на несколько часов только люди вводятся в область смерти, где уже нет дисциплины, а когда люди по месяцам живут, всякую минуту борясь с смертью от голода и холода; когда в месяц погибает половина армии — об этом-то периоде кампании нам рассказывают историки, как Милорадович должен был сделать фланговый марш туда-то, а Тормасов — туда-то, и как Чичагов должен был передвинуться туда-то (передвинуться выше колена в снегу), и как тот опрокинул и отрезал, и т. д., и т. д. Русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели, и не виноваты в том, что другие русские люди, сидевшие в теплых комнатах, предполагали сделать то, что было невозможно».

58

Да, уж в те самые несусветно проклятые царские времена за то, что кто-нибудь явно ведь осмелился до чего громко вслух высказать вполне недвусмысленные сомнения относительно той исключительно вот принципиальной невозможности самого безответственного совершения тех еще слишком поспешных действий, его чаще всего ожидал разве что резкий окрик, а никак не пуля.

Но то были вовсе ведь совсем другие «жестокосердные сатрапы»: они порою с народом слишком уж даже сколь еще так весьма простодушно цацкались.

59

Однако та сколь еще вычурно лживая красная пропаганда до чего неустанно разукрашивает действительность в розовые, почти парадные тона, выдавая свои чудовищно рукотворные постулаты за нечто величественное и безупречно же монументальное.

Ибо всякая иная картина для нее попросту недопустима — как слишком наглядное свидетельство отсутствия той самой безмятежной, единой и горделиво самодовольной сопричастности к «великому делу» освобождения некогда полностью так некогда единой нашей социалистической родины.

Попросту говоря, эта крайне незамысловатая, но жесткая «окопная правда» неизбежно же вступает в прямое и грубое противоречие с тем еще помпезно официозным взглядом на войну.

А между тем нам долгими годами твердили о самой исключительной так сплоченности масс перед коварным врагом, до чего сходу дерзнувшим вторгнуться в самые бескрайние пределы нашего славного отечества.

60

Именно так, безо всяких особых изысков, и было вот принято в ныне покойном СССР: вместо достоверной реальности народу преподносили идеологически процеженное, героизированное краснобайство.

И, разумеется, все те события Великой Отечественной войны, обильно омытые человеческой кровью, доходили до нас лишь в виде единственно «верной» помпезно-официальной версии.

А между тем буквально всякое ее отношение к подлинным историческим реалиям было в точности примерно таким же, как у клинического идиотизма — к здравому рассудку.

Из года в год муссировалась одна и та же сладкоречивая ложь, вновь и вновь воспроизводимая в тех до чего бесчисленных, щедро иллюстрированных изданиях.

И была она предельно во всем проста — как и всякая наглая кривда: цельная, самоуверенная и потому почти неуязвимая в своей явной крайне же отвратительной безнаказанности.

61

Повторим еще раз — для самой полной ясности: подобные рассуждения вовсе не являются ни «русофобским бредом», ни попыткой огульно очернить СССР и все его многонациональное население.

Слишком часто предполагается, будто СССР и впрямь представлял собой некий единый монолит, а потому всякая критика его военного или тем более политического руководства неизбежно сводится к грубому и наскоро состряпанному шельмованию всего того крайне пресловутого народа.

А между тем именно подобным подменам и потворствовали многие «исторические мужи», старательно поддакивая политически выверенному, но, по сути, крайне тщеславному и лживому тону самого «верного» освещения недавних глав нашей общей истории.

Однако стоит отринуть эти столь усердно навязанные интерпретации — и возникает простой, но крайне неудобный вопрос: кто это и впрямь на самом деле явно оказался никак не готов к той войне?

И ответ на него, вопреки всей той чисто прежней напускной сложности, оказывается уж предельно так прост и логически ясен.

62

План Барбаросса во всех своих тактических подробностях еще уж изначально был направлен не только против СССР — той до чего огромной державы, каковой он и впрямь тогда ведь являлся.

Нет, прежде всего, он был обращен против сталинского режима — жесткой и бесчеловечной системы, чья внутренняя несостоятельность вскоре и проявилась во всей своей широчайшей полноте.

Именно данный крайне же самоуверенный конгломерат сущей бездеятельности, лжи и управленческой тупости оказался вовсе никак не готов к трагическим обстоятельствам 1941 года.

Однако официальная версия, как и прежде, беззастенчиво перекладывала всю эту вполне очевидную неподготовленность на плечи простого народа.

Причем именно подобное перекладывание вины — с больной головы на здоровую — было самым привычным же приемом всей той советской идеологической машины.

И именно потому сколь так совсем оно неудивительно, что весьма многочисленные, тщательно иллюстрированные труды о тех событиях оказывались, попросту вот пронизаны показ-

ной, почти стерильной «праведностью» — идеологически выверенной и потому столь глубоко недостоверной.

63

Да и сами те его до чего только воинственные деятели, считай еще вчерашние «красные», сегодня без труда перекрасились в «желтых» капиталистов, не изменив, впрочем, ни старых до чего вредных привычек, ни способов весьма так сурового самооправдания.

Они и теперь, словно тяжеловесный колосс, стоят на прежних позициях, продолжая извергать потоки «священной» лжи — ради поддержания ореола собственной безгрешности.

И по сей день, явно находятся люди, так ведь и пребывающие в самой непробиваемой уверенности, будто за все заслуги перед отечеством следует благодарить исключительно «правую» центральную власть.

Ну а в особенности в те адски же тяжелые годы Великой Отечественной войны людям сколь еще сурово внушали, что народ и партия абсолютно так едины.

Однако данное единство существовало разве что в вовсе так совсем уж обезличенных воззваниях.

Во вполне реальной, повседневной жизни партийная «аристократия пролетариата» до чего откровенно восседала на народе — как наездник на норовистом жеребце.

64

И уж само как оно есть более чем полноценное разграничение между повседневным положением простого народа и вознесенными над ним правителями в условиях этого крайне разжиревшего тоталитаризма оказалось фактически уж попросту совершенно безграничным — а потому и почти так совсем вот абсолютным.

Эта самонареченная таковой «народная» власть думала, прежде всего, о собственной многоголовой машине власти, тогда как всякий простой народ более чем неизменно оставался для нее одним лишь производственным сырьем — материалом для тех или иных очередных идеологических построений.

Причем истинно важным тут было одно: чтобы этот «материал» не иссякал — чтобы он и далее оплачивался кровью тех, кто осмеливался мыслить иначе, и никогда уж не высыхал под ярким светом простых, трезвых истин.

А между тем внешний мир вовсе не был ни слеп, ни глух.

Он видел происходящее — и делал свои исключительно верные выводы.

А потому и оказалось, что ту самую «красную» власть все-таки можно было вполне так заставить врасплох.

И в том июне 1941 года она действительно дала весьма суровый сбой.

И речь тут идет о самом начале Великой Отечественной войны — моменте, когда расчет на контролируемое развитие событий и впрямь оказался сущей иллюзией.

А между тем большевиками тогда ожидалось совсем вот иные последствия — выверенные, выгодные, и до чего еще запросто ими до чего только загодя управляемые.

Однако реальность развернулась в совсем так вовсе иную сторону.

И именно тогда данная система, совсем же захлебнувшись в собственных никак не здравых расчетах, вскоре так предпочла не признать за собой просчет, а сколь откровенно переложить ответственность за последствия на сам же народ.

То есть тот самый народ, который и был ведь в хаосе первых месяцев войны начисто брошен на произвол судьбы и оказался в конечном итоге объявлен вовсе так ни к чему неподготовлен, не организован, а потому и оказался во всем так до чего исключительно «виновным».

А именно так и сформировалась вполне вот кому-то удобная версия: наиболее основная ответственность сугубо вниз, суровое оправдание на самый верх.

65

А между тем вся история европейских войн явно говорит как раз об обратном.

Именно Россия надломила хребет армии доселе никем непобедимого Наполеона.

И это как раз об этом безо всякой лишней риторики, предельно ясно пишет Лев Толстой в романе Война и мир:

«Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции...»

Именно так.

Российская армия не раз подтверждала свою силу — если не лучшей армии Европы, то, по крайней мере, одной из самых устойчивых.

И дело вовсе не в легкости, с которой ее можно бросить в бой.

Ее сила — в выносливости, в способности переносить тяжелейшие испытания и сохранять боеспособность там, где другие ломаются.

66

Да и командиры в этой армии нередко были людьми довольно сметливыми и опытными.

Но даже они вовсе так не могли увидеть всю картину целиком.

И вот как раз об этом яснее ясного написал Виктор Астафьев, прошедший войну рядовым солдатом.

Комбриг воевал на передовой — но рядом с ним неизменно находился комиссар, приставленный «в помощь» мозоли на нёбе себе натирающий сколь еще тщательно следя за самым неукоснительным исполнением указаний сверху.

И ясное дело этот «верный партиец» до чего беспрестанно изматывал командование самыми бесконечными упреками в самой недостаточной расторопности, а между тем идущие сверху приказы требовали своего исполнения абсолютно любой ценой.

И это притом, что в штабах сколь неизменно жили совсем так иной реальностью, чем та было на передовой.

Там вечно же воевали с бумагами — директивами, донесениями, отчетами, — куда реже сталкиваясь с тем, с чем до чего ежедневно имели дело в огне лобового столкновения с противником.

Причем именно в связи истерикой самых первых попросту немислимых поражений сам вот разрыв между приказом и реальностью лишь только еще разве что неимоверно же нарастал.

67

И главное именно этакое чрезвычайно всесильное штабное начальство, нередко же отличавшееся поразительной умственной бездеятельностью, и требовало чудес героизма от тех, кому подчас приходилось расплачиваться собственной жизнью.

И делалось это далеко не всегда ради вполне реального военного результата, а зачастую — ради отчетной отметки: населенный пункт взят, задача выполнена.

Цена при этом во внимание никак так не принималась.

И, разумеется, речь тут не идет обо всех штабных офицерах.

Но сама система неизбежно порождала слой людей, для которых карьера и показная исполнительность становились явно важнее всякого реального положения дел.

В такой среде наверх поднимались не столько компетентные, сколько удобные — склонные поддакивать, выполнять и требовать того же от других.

И потому в критические моменты звучало одно: «вперед», «немедленно», «любой ценой».

Попытки говорить об обороне, о перегруппировке, о необходимости сберечь людей нередко при этом встречались грубо и резко.

В итоге в действие шел не продуманный расчет, а давление — приказ, подкрепленный страхом и привычкой к самому так безусловному и совершенно слепому исполнению чужих приказов.

И это особенно же остро проявлялось в тяжелые месяцы начала Великой Отечественной войны, когда суровая реальность до чего резко расходилась со всеми теми восторженно радостными ожиданиями.

Причем о том, с чем реально сталкивались бойцы на передовой, как раз и писал Василь Быков в его повести Карьер:

«В первых же стычках с немцами Агеев понял, что главная их сила в огне...

Их минометы засыпали поля осколками, пулеметы и автоматы сжигали свинцом...

От танков не было спасения ни на дорогах, ни в поле, ни в городе».

68

Но и Василь Быков, верно оценивая тогдашнюю обстановку, смотрит на нее истинно так сквозь пелену собственного, почти невыразимого ужаса — ужаса, рожденного катастрофой забываемого 1941 года.

Этот страх, охвативший тело и душу смелого человека, твердо при этом соединялся с острейшим ощущением собственного полного бессилия перед всем тем ныне происходящим.

Однако дело тут явно было вовсе не в том, что противник сам по себе оказался весьма так несоизмеримо сильнее.

Раз дело тут было в чем-то ведь вовсе другом: у него попросту все же работало слаженно, последовательно и чисто так по-военному профессионально.

Без дикого вороха абстрактных догматов, склеенных бравой пропагандой.

Без веры в чудесную победу агитации над всяким вообще здравым смыслом.

А здравый смысл в советской системе был давно уж более чем конкретно загнан в тот еще самый дальний угол.

Ему позволялось разве что изредка и почти беззвучно подавать голос — да и то лишь тогда, когда на это находилась чья-нибудь «барская» пролетарская воля.

А поэтому самые отдельные разумные поправки в управлении войсками, конечно, иногда появлялись, но они оставались только малыми частностями и почти не меняли общего состояния фронтовых дел.

И это именно непрофессионализм сталинских выдвиженцев и стал одной из важных причин стремительного отката наших войск далеко на восток.

Разве вот оно никак непонятно, что в тяжелейшей войне с грамотным и профессионально действующим противником нехватка настоящих офицерских кадров должна была ощущаться особенно остро?

И данные условия были ведь созданы сколь еще задолго заранее.

Еще до всякой войны карательные органы сталинской власти с самой последовательной жестокостью всячески выкорчевывали тех, кто умел думать, спорить, проявлять инициативу и принимать вполне самостоятельные решения.

А тех, кто все же оставался в строю, большевики отучили с ними спорить о чем-либо вообще хоть сколько-то существенном.

Их до чего явно приучили разве что только молча и ретиво исполнять чужие приказы.

И вот именно эта бронированная большевистская тупость во многом и позволила немцам весьма хладнокровно и планомерно бить по самому остоу Красной армии.

А тем временем центральная власть так ведь и продолжила всячески упиваться собственным крайне неприглядным бесстыдством.

Причем в особенности ясно это проявлялось в том самом сколь суровом же стремлении сталинской верхушки раз за разом «порвать» немцев в клочья всеми теми до чего поспешными и плохо подготовленными контрударами.

Ну а сколько после этого прибавится похоронок солдатским матерям и женам — их, по существу, вообще вот никак не волновало.

Но было и еще одно обстоятельство, крайне неудобное для большевистских послевоенных легенд.

Немцы мыслили и действовали достаточно здраво: быстро, расчетливо, без лишней проволочки и безо всякого фанатически раздутого энтузиазма.

А поэтому любая резкая, заранее совсем не продуманная контратака вовсе не обрушилась на них грозным ливнем, и впрямь заставляющим их панически отступать.

Напротив, она зачастую становилась для них крайне так весьма удобной целью.

И логика их была предельно проста: если противник вслепую наваливается без тщательно выверенного плана, значит, нужно перейти к жесткой обороне и методично перемолоть всю эту плохо подготовленную людскую массу так чтоб от нее и следов очень так даже скоро совсем не осталось.

В современной войне одной тупой массой совсем так никого уже не возьмешь.

И потому никакие миллионы сами по себе не заменят управления, связи, выучки, офицерской школы и твердой способности вполне самостоятельно думать.

69

Однако при всем том во времена Второй мировой войны никто германские войска «трупами» точно ведь не закидывал.

Если бы нечто подобное и впрямь тогда проводилось — тупо, слепо, без расчета, — тогда части Вермахта получили бы почти безупречный шанс перемолоть любую массу людей и почти без потерь занять заранее обведенную ими на карте грифелем карандаша самую так обширную территорию.

А чисто потому давно вот пора сузить рамки претензий и куда поточнее обозначить тех наиболее главных виновных.

И был ведь здесь еще один наиважнейший — уже чисто политический — просчет, явно так мешавший солдату успешно делать свое бравое дело.

Весьма существенная первопричина самого начального разгрома кадровой армии заключалась в том, что в Красной армии того времени слишком часто господствовала логика заранее предначертанного наступления: тщательно разработанного, идейно выверенного и потому будто бы и впрямь обреченного на победу над врагом, которому в официальном воображении уже и было назначено самое неминуемое поражение.

И вот у всех тех блистательных тактических построений имелся лишь один тот страшный недостаток: почти полное обесценивание простой солдатской жизни.

Главное — победа в бою, а людей, мол, у нас и так слишком много.

И жить им или не жить — вопрос для начальства был вовсе так явно второстепенный.

Именно так, в сущности, и рассуждали многие суровые предводители «серых пролетарских масс».

70

А именно потому на тщательное и вполне полноценно взвешенное изучение того, что затем на войне оказывается жизненно важным, — дисциплины обороны, построения рубежей, организации устойчивого сопротивления — в довоенных военных училищах времени почти так не оставалось.

Раз уж все оно уходило только лишь на самое доблестное изучение стремительных контратак и массовых наступлений.

Об обороне же говорилось разве что совсем так вскользь — как о временном, побочном и едва ли не досадном обстоятельстве:

«Если на вашем участке фронта возникнет необходимость в обороне, действуйте согласно обстановке — пока к вам не подоспеет весьма своевременная подмога».

И вот в реальных условиях войны совершать подвиги по заранее заученным советским схемам почему-то никак, затем явно не получалось.

И прежде всего потому, что сама теория войны требовала только одного: наступать, снова наступать и еще раз наступать — без оглядки, будто враг уже нами разбит, дрогнул и вот-вот побежит, подставляя нашим частям свои одни только свои голые пятки.

71

Однако, с тем еще невероятно огромным трудом все-таки как-никак, а действительно усвоив, что подобным образом воевать далее более вот никак так совсем нельзя, сталинская власть к исходу 1942 года все же несколько ослабила хватку на горле собственной кадровой армии.

Ну а поначалу же все, как водится, шло по тому чисто заранее выверенному бюрократическому плану.

На бумаге чертили парящий в небе самолет — на деле получался захудалый трактор с выхлопной трубой торчащей вовнутрь кабины.

Так что как-либо особенно трудиться «Гансу» тогда, по существу, явно ведь совсем так нисколько не требовалось.

И главное именно как раз об этом с самой предельной горечью пишет Виктор Астафьев в книге с уже самым так по себе до чего еще весьма выразительным названием — «Прокляты и убиты»:

«Хватит уж сорить людьми, хватит сорок первого года, когда лучшие бойцы погибали, не увидав врага...»

И дальше у Астафьева звучит главное: напрасная гибель, бесполезно растраченная жизнь, и без того чудом сохраненная — и тут же брошенная в пекло войны совсем так насмарку.

72

Однако с точки зрения даже ведь и нынешнего российского государства именно армия будто бы и была весьма уж разболтанной, бестолковой, лишенной внутреннего порядка и ясной головы.

Да только кто это ее некогда оставил без головы — без настоящих генералов, без людей, служивших делу, а не собственной карьере и единственно верных разве что только своей единоличной шкуре?

Уж не были то те, кто до чего вот запросто отдал всю власть в стране на растерзание одному кавказскому уголовнику?

А между тем сама советская армия была вполне естественным продолжением русской армии — той самой армии, которая всегда обладала огромным внутренним и интеллектуальным потенциалом.

И малая образованность рядового солдата этому вовсе так никогда совсем не мешала.

Да и дисциплина, на полное отсутствие которой столь охотно ныне сетуют господа коммунистические историки, в ней никогда всерьез никак не хромала.

73

И ведь всему этому есть самые прямые и весьма уж как есть до чего только последовательные доказательства.

Вот, к примеру, оборона Севастополя — и в XIX, и в XX веке — стала самым наглядным образцом мужества и военной дисциплины, без которых попросту будет никак попросту ведь явно совсем невозможен никакой тот более чем должный и великий общий же подвиг.

Без той до чего еще четкой слаженности действий будет возможен разве что героизм отдельных храбрецов, но не стойкость целого гарнизона, армии, народа.

Реальная война она вовсе ни в чем не похожа на компьютерную эмуляцию, где солдаты безропотно подчинены руке игрока, столь беспечно владеющей мышью и клавиатурой.

Когда все происходит по-настоящему, каждый солдат — живой человек.

И помирать ему вовсе никак абсолютно не хочется.

А потому стойкость в бою никак нельзя объяснить одной лишь приказной машиной, что в руках беспутной власти как раз и становится явным орудием убийства собственного народа.

И она вполне будет способна, всецело возвысить именно так свою лютую неукротимость в деле сколь существенной растраты полностью же до конца подчиненного ей во время войны народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.